

ВОСПОМИНАНІЯ КАВКАЗЦА.

(Изъ записокъ юнкера).

II.

Визитъ вліятельному лицу.—Генераль Кацо-Моргани.—Пицундскія высоты.—Рубка лѣса.—Неудачный посылъ контрабанды.—Мѣстечко Гудауты.—Другой пѣлѣнникъ.—Джигитовка.—Судебные процессы абазинцевъ.—Пицундскій монастырь и храмъ.—Дожди.—Воровство лошадей.

Къ нашему полку былъ прикомандированъ поручикъ князь З°, изъ племени джигетовъ, который тамъ же, въ одномъ изъ непокорныхъ ауловъ этого общества, имѣлъ и жительство. Онъ числился въ нашей сотнѣ и, болѣею частію, находился дома, пріѣзжая только по дѣламъ на Хюпсту, гдѣ, пробывши нѣсколько времени, возвращался въ Джигитію. Какъ знающій мѣстный языкъ, князь часто былъ намъ полезенъ, почему мы нерѣдко обращались къ нему за содѣйствіемъ. Между прочимъ, сотнѣ нужно было спросить разрѣшенія, или, лучше сказать, заручиться поддержкой одного изъ вліятельныхъ лицъ Абхазіи, туземнаго дворянина, генераль-маіора русской службы Кацо-Моргани, чтобы жители не пренятствовали рубкѣ лѣса на пицундскихъ высотахъ, для постройки зимнихъ помѣщеній въ лагерѣ. Поручикъ князь З° былъ женатъ на дочери генерала, бывшей прежде женой старшаго его брата, затѣмъ доставшейся ему, по мусульманскому закону, послѣ смерти послѣдняго. Въ концѣ іюля, я, въ сопровожденіи З°, отправился къ мѣстопребыванію Моргани, находившемуся при выходѣ рѣки Хюпсты изъ горъ на волнообразной долинѣ, занимаемой Бзыбскимъ округомъ и не въ далекомъ разстояніи отъ мѣста послѣдняго нашего похода.

Пріѣздъ нашъ былъ немного невпопадъ, потому что у хозяина гостило нѣсколько человѣкъ горцевъ, знакомыхъ и родственниковъ его; послѣдніе изъ нихъ были даже съ женами и дочерьми. Кацо-Моргани въ то время считалось отъ роду *сто четыре* года (?)... Онъ

былъ уважаемъ не только въ Абхазіи, но и въ непокорныхъ обществахъ, какъ имѣвшій тамъ знакомства и родственныя связи, обладавшій замѣчательною физическою силою: въ свое время онъ слылъ однимъ изъ лучшихъ набѣдниковъ и джигитовъ. По рассказамъ, генералъ, еще девяноста лѣтъ отъ роду, былъ грозой для хищническихъ партій, дѣлалъ за ними погоня и набѣги на ихъ аулы. Состоя на службѣ, онъ оказывалъ своимъ вліяніемъ и личною храбростію немало важныхъ услугъ правительству, отъ котораго и получалъ содержаніе по чину до самой смерти, послѣдовавшей черезъ четыре года послѣ описываемаго случая. Дворъ его находился на скатѣ полугорья, среди котораго, на самомъ видномъ мѣстѣ, стоялъ домъ, турецкой постройки, въ два яруса: въ нижнемъ помѣщалась прислуга и даже конюшня для лошадей, въ верхнемъ жилъ онъ самъ и часть его семейства. Нѣкоторые изъ сыновей и внуковъ старика жили въ отдѣльныхъ бревенчатыхъ сакаляхъ въ томъ же дворѣ, съ тою разницею отъ мѣстныхъ построекъ, что имѣли небольшія окна со стеклами. Въ верхнемъ ярусѣ большого дома было также нѣсколько небольшихъ стеколъ, а съ лицевой стороны зданія открытый балконъ, куда вели двери изнутри комнатъ. Ходъ наверхъ шелъ чрезъ конюшню нижняго яруса; по обѣимъ сторонамъ ея расположены были жилыя помѣщенія для двора.

При входѣ нашемъ въ комнату, хозяинъ съ гостями пилъ чай. Онъ привѣтливо раскланялся со мной и взялъ за руку, когда зять его отреккомендовалъ меня; затѣмъ, сказавъ мнѣ «садысь», пригласилъ насъ занять мѣсто на одномъ изъ низкихъ дивановъ, разставленныхъ около стѣнъ. На такихъ же диванахъ и табуретахъ съ короткими ножками, помѣщались и остальные, бывшія тамъ, особы мужескаго пола. При дальнѣйшихъ нашихъ разговорахъ я замѣтилъ, что въ словѣ «садысь» заключался весь лексиконъ знанія генераломъ русскаго языка; онъ даже ни разу не произнесъ употребительнѣйшаго между абазинами: «пожалуста».

Кацо-Моргани на видъ совсѣмъ не казался столѣтнимъ старцемъ, и хотя былъ полноватъ, однако добрый и веселый старикъ. На немъ былъ надѣтъ ситцевый турецкій халатъ, а на головѣ шапочка краснаго сукна, что-то въ родѣ фески, только безъ кисти. Чай распивали изъ блюдецъ и стакановъ русскаго и турецкаго издѣлій, съ прѣсными пшеничными лепешками, приготовленными на маслѣ. Разговоры горцевъ были чинны, но, противъ обыкновенія, громки, чего требовала глухота хозяина, вслѣдствіе поврежденія отъ ранъ слуховыхъ органовъ. Говорилъ всегда одинъ, остальные выслушивали

со вниманіемъ, молча разглаживали бороды; когда первый кончалъ рѣчь, начиналъ говорить другой. Нѣкоторыя части разговора 3^о передавалъ мнѣ. Горцы иногда и сами обращались ко мнѣ, а какъ, при содѣйствіи переводчика, въ разговоры трудно пускаться, то мы обмѣнивались лишь нѣсколькими словами. При подобной церемонной и монотонной бесѣдѣ, на непонятномъ для меня языкѣ, мнѣ скоро наскучило сидѣть, почему я, при первомъ же удобномъ случаѣ, послѣ чаю, передалъ просьбу генералу о дѣлѣ, по которому пріѣхалъ; онъ обѣщалъ свое содѣйствіе и предложилъ, по обычаю, съ дороги отдохнуть.

Меня провели въ комнату отдѣльную отъ общей кунацкой, гдѣ, между прочимъ, лежалъ на кровати черкесь, раненый въ руку во время пути сюда и, кажется, при какомъ-то набѣгѣ или воровствѣ. Онъ зналъ кое-какія русскія слова и также завелъ разговоръ со мной, причѣмъ объяснилъ, что неразъ бывалъ на Лабинской линіи и дальше въ укрѣпленіяхъ и въ казачьихъ станицахъ. Рана его, по видимому, была уже въ безопасномъ положеніи и предвидѣлся благоприятный исходъ болѣзни.

Вскорѣ послѣ моего прихода, разговоръ нашъ съ больнымъ былъ прерванъ появленіемъ въ дверяхъ нѣсколькихъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ. Послѣднія, въ числѣ которыхъ были двѣ изъ горъ, вошли даже въ комнату и остановились. Причиной ихъ безцеремоннаго визита, конечно, былъ я, хотя любопытство это было немного неумѣстно, потому что онѣ, выстроившись въ рядъ, разсматривали меня съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, какъ будто пришли поглядѣть на какого звѣря. Несмотря на столь наивный осмотръ, я старался скрыть свое смущеніе и будто не обращалъ на нихъ вниманія.

Горецъ, замѣтивъ мое неловкое положеніе, вздумалъ имъ отплатить тѣмъ же. Онъ сказалъ имъ на своемъ гортанномъ жаргонѣ нѣсколько словъ, отъ которыхъ на щекахъ дѣвушекъ вспыхнули мгновенный румянецъ; вслѣдъ затѣмъ онѣ со смѣхомъ скрылись; женщины тоже съ улыбками отошли отъ дверей. Спустя нѣсколько времени, онѣ опять появились у дверей, но уже стояли группою къ одной сторонѣ, завели между собой разговоръ и, повидимому, стали меньше смотрѣть на меня. Въ свою очередь, и я началъ ихъ разсматривать. Почти всѣ онѣ были стройны и красивы, а одна дѣвушка и замужняя женщина изъ семейства хозяина могли назваться замѣчательными красавицами, съ нѣжными русыми локонами, спускавшимися на плечи. Какъ тѣ, такъ и другія были одѣты въ платья похожія на тѣ, какія носятъ у насъ женщины средняго

сословія, съ добавленіемъ только на кофтахъ и платьяхъ дутыхъ металлическихъ пуговиць.

Я рѣшилъ, что не слѣдуетъ досадовать на дѣвушекъ, никогда не видѣвшихъ русскихъ; любопытство ихъ было понятно и, следовательно, извинительно; онѣ, по обычаямъ своего народа, почти не стѣсняясь, начали осмотрѣть «*урус атцера*», какъ называли меня во всѣхъ деревняхъ округа, будто какую рѣдкость. Наконецъ я оправился отъ первыхъ впечатлѣній, заговорилъ съ горцемъ и даже съ ними, вздумалъ-было пуститься въ любезности, наказать имъ комплементовъ, но тутъ, къ несчастію, рапешый подробно перевелъ мнѣ свою прежнюю фразу къ дѣвушкамъ, о содержаніи которой я только догадывался. Я опять сталъ въ туникъ и отложилъ всѣ попытки объясненій съ горянками изъ боязни, что переводчикъ преднамѣренно начнетъ извращать мои слова на ту же тѣму.

Фраза, сказанная больнымъ, была такого содержанія, какого не услышишь даже между нашими крестьянами, говорящими въ присутствіи женскаго пола. Между тѣмъ, у горцевъ, какъ у низшаго класса, такъ у дворянскаго и княжескаго, въ разговорѣ мужчинъ съ женщинами и даже съ дѣвушками допускается слишкомъ большая вольность непечатныхъ выраженій. Съ посторонними женщинами знакомаго семейства они не считаютъ приличнымъ говорить о чемъ-нибудь серьезномъ, кромѣ рассказовъ о какихъ-нибудь сслетняхъ, или отпускаютъ площадныя шутки, касающіяся извѣстныхъ супружескихъ отношеній, даже безъ всякихъ двухсмысленностей, называя вещи ихъ собственными именами. Женщины не остаются въ долгу и отшучиваются тѣмъ же. Впрочемъ, нужно сказать, что нравы абазинскаго племени, въ этомъ отношеніи, стоятъ выше мингрельскаго и имеретинскаго, отъ которыхъ извѣстный французскій путешественникъ Шарденъ приходилъ въ отчаяніе за двѣсти лѣтъ до нашихъ временъ.

Послѣ ужина, приготовленнаго по мѣстному обычаю, изъ соусовъ и шашлыковъ, генералъ оставилъ насъ почевать. Мы пріѣхали въ лагерь на другой день.

По окончаніи покосовъ, сотнею начата была рубка лѣса на урочищѣ, называемомъ «*Пицундскія выскы*». Мѣстность эта тянется отъ рѣки Амчиши къ укрѣпленію Пицундамъ вдоль морскаго берега, въ который упираются стѣны сѣраго камня, со слоями желтаго и бураго песчаника, понижаясь иногда отъ 120 до 50 сажень. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, между выдающимися острокопечными ребрами камней, извивались тропинки, сообщавшія при-

брежью съ возвышенностями. Мѣстами отвѣсныя каменные глыбы, выдвинутыя углами въ море, совершенно перерѣзывали набережную полосу, такъ что здѣсь нужно было обходить ихъ, что возможно только въ тихую погоду и при самомъ небольшомъ морскомъ прибоѣ; при сильныхъ же волненіяхъ всякое сообщеніе по этому пути прекращается. Высоты покрыты густымъ вѣковымъ лѣсомъ дубовъ, сосенъ, елей, грабовъ и проч. На стѣнахъ обрывовъ, на небольшихъ выдающихся терасахъ, зеленѣетъ тощая растительность и порой печально склоняетъ вѣтви надъ пропастью какая-нибудь уродливая и хилая сосна или елка. Деревья вырастаютъ изъ расщелинъ и трещинъ стѣнъ, или на грядахъ камней, слоями выходящихъ съ отвѣснаго спуска, гдѣ, по недостатку почвы, питающей корни, они не могутъ имѣть правильнаго развитія.

При устьѣ Амчиши, была въ то время лавочка съ товарами, и здѣсь же турками производились постройки кочермъ и фелюгъ изъ лѣсовъ урочища.

Деревья мы рубили на возвышенностяхъ и сбрасывали ихъ оттуда на берегъ, причемъ почти на половину они разбивались при паденіи на щебень и камни. Но труднѣе всего была доставка лѣса отъ мѣста порубки къ лагерю. О колесной дорогѣ не могло быть и помину; дубъ и сосна тонули даже на морской водѣ, особенно молодое дерево этихъ видовъ, почему до устья Хюпсты они перетаскивались берегомъ по водѣ, что представляло немало затрудненій во время прибоевъ и дождей, когда невозможно было обходить врѣзавшихся въ море скалы и переправляться черезъ Амчишу и Хюпсту. Остальные брусья мы сплавливали небольшими плотами на буксирѣ азовскаго барказа, прикомандированнаго къ намъ для доставкѣ строительныхъ матеріаловъ отъ мѣста порубки къ нашей пристани.

Сперва начата была постройка конюшни, цейхгауза, а также перестройка балагановъ и кухни для сотни; баракъ для людей, по недостатку мастеровыхъ и позднему времени года, строить было невозможно. Да и начальствомъ не дано было къ тому никакихъ инструментовъ и денежныхъ средствъ на покупку гвоздей и проч. Постройки производились своими рабочими. Такъ какъ время сближалось къ осени, то нужно было подумать и о себѣ: зимой въ палаткѣ жить неприходило, для чего вырыта была четырехугольная, продолговатая яма въ 1½ аршина глубины, надъ которой поставлена наша палатка съ двойнымъ полотномъ, имѣвшая одинаковую форму съ ямой. Входъ былъ съ западной стороны, а съ восточной устроена кирпичная печка; надъ палаткой, на четырехъ столбахъ, сдѣ-

ланъ драичный навѣсъ, для защиты отъ дождя. На слѣдующую весну мы имѣли уже возможность изъ этого же навѣса смастерить комнату съ тремя окнами, хотя и безъ потолка.

Въ августѣ, въ одинъ изъ дней, когда начальникъ сотни былъ въ Сухумѣ, а мы съ командиромъ барказа, сотникомъ Ч—мъ, цѣлый день скучали въ лагерѣ, гдѣ никого не видно было. и когда даже абазины, по случаю наступавшей уборки хлѣба, рѣдко стали приходить, донцы и азовцы отдыхали послѣ вчерашнихъ трудовъ. Часть послѣднихъ, впрочемъ, была на берегу, возлѣ своего пресловутаго судна, покоившагося также на прибрежномъ пескѣ. Вечеромъ прѣхалъ въ лагерь мигрелецъ изъ Гудауты съ извѣстіемъ, что въ шести верстахъ ниже этого мѣстечка, при устьѣ одной изъ мелкихъ горныхъ рѣчекъ, въ наступающую ночь должна быть разгружена кочерма съ контрабанднымъ товаромъ. Съ полученіемъ такого свѣдѣнія, старый сотникъ засуетился не на шутку; тотчасъ же приказалъ онъ своей командѣ готовиться спускать барказъ на воду и ставить мачты.

Биографія этого офицера замѣчательна: онъ былъ уроженецъ юго-западныхъ русскихъ губерній, изъ шляхтичей и, по достиженіи извѣстнаго возраста, отданъ въ рекруты. Во время турецкой войны 1828 года, Ч—въ служилъ уже вахмистромъ кавалерійскаго полка. Попавши *нечаянно* въ плѣнъ къ туркамъ, онъ бѣжалъ за Дунай, къ некрасовцамъ и запорожцамъ, откуда вмѣстѣ съ послѣдними, вышелъ въ Россію по окончаніи войны, и поселился съ выходцами на указанной имъ землѣ, между Бердянскимъ и Мариупольскимъ уѣздами, на берегу Азовскаго моря, отъ имени котораго они и названы «азовскими казаками» (*). Начавъ вновь службу казакомъ и только чрезъ пятнадцать лѣтъ произведенный въ урядники, Ч—въ почти столько же лѣтъ пробылъ до производства въ офицеры. Во время перваго нашего знакомства съ нимъ, сотникъ имѣлъ отъ роду 82 года, и, несмотря на столь почтенный возрастъ, былъ еще бодръ, съ веселымъ и общительнымъ характеромъ. Это былъ прототипъ запорожца съ лысой головой, съ густыми, косматыми бровями и съ полуаршинными сѣдыми бакенбардами.

Въ составъ десанта, отправлявшагося на поиски, приняли и меня. Черезъ часъ послѣ полученія извѣстія о предполагавшейся къ вы-

(*) Азовскіе казаки съ 1864 года переселены въ Черноморію, почему и вошли въ составъ Кубанскаго казачьяго войска.

грузкѣ контрабанды, барказъ уже огибалъ Бомборскій мысъ, тихо скользя по ровной поверхности водъ, испещренныхъ легкой зыбью. Ночь была тихая; море, всегда шумное и суетливое даже при штилѣ, успокоилось въ это время и, кромѣ однообразнаго плеска прибоя, мягко ударявшагося о щебенъ берега, и ровныхъ взмаховъ весель, ничего слышно не было. Убаюкиваемый плавною качкою лодки, медленно накренившейся на обѣ стороны отъ движеній гребцовъ, я началъ дремать, бессознательно смотря на отражавшуюся въ водѣ свѣтло-синюю лазурь, усѣянную безчисленными группами звѣздъ. Когда мы удалялись отъ устья Хюпсты, было около девяти часовъ вечера. Барказъ шелъ на веслахъ, безъ парусовъ, изъ предосторожности не быть замѣченнымъ при проходѣ мѣстечка.

Проѣхавъ Гудауты, мы были встрѣчены свѣжимъ вѣтеркомъ, почему подняли паруса; но, несмотря на то, подвигались впередъ медленно, потому что вырвавшийся изъ лежащаго впереди ущелья вѣтеръ дулъ намъ почти навстрѣчу; приходилось лавировать, а веслами не дѣйствовать, чтобы неслышно было ихъ ударовъ по водѣ. Приближаясь къ указанному мѣсту выгрузки, барказъ готовился къ нападению: паруса были убраны, ружья заряжены, примкнуты штыки, а орудія заряжены картечью. Съ напряженнымъ вниманіемъ, молча, смотрѣли мы впередъ. Вотъ, наконецъ, показались въ темнотѣ и очертанія устья рѣчки... Два десятка нетерпѣливыхъ взглядовъ впились туда, стараясь, сквозь полумракъ ночи, скорѣе увидѣть судно съ богатой добычей... Но какъ мы ни присматривались, тамъ ничего и никого не было: на берегу царилъ та же тишина; только зыбь хлестала по прибрежнымъ камнямъ, все такъ же мѣрно и однообразно.

Повернувъ назадъ, мы пустились въ обратный путь и шли придерживаясь твердой земли. Не успѣли пройти и 200 сажень послѣ поворота, какъ на берегу засверкали огоньки и послышалось нѣсколько винтовочныхъ выстрѣловъ. Изъ провисѣвшихъ надъ нашими головами пущь, одна задѣла свернутый парусъ и мачту. Барказъ повернулся въ море и до самой Гудауты держался отъ береговъ на почтительномъ разстояніи, куда не могли достигать выстрѣлы абазинновъ. Сдѣланный по насъ залпъ былъ пущенъ съ шибета контрабандистовъ.

Выйдя изъ лодки въ мѣстечкѣ, мы остановились почевать въ квартирѣ таможеннаго чиновника, бывшаго въ это время по дѣламъ въ Сухумѣ. Утромъ нами было получено подробное свѣдѣніе о выгружен-

ныхъ товарахъ. Оказалось, что азовцы устье одной рѣчки приняли за другое; мѣсто же выгрузки лежало на версту далѣе.

Гудаута лежитъ при устьѣ незначительнаго горнаго протока и отстоитъ отъ селенія Соуксу въ трехъ верстахъ, и почти на столько же отъ Бомборскаго мыса и укрѣпленія Бомборы. Собственно мѣстечко составляетъ одна улица, застроенная съ обѣихъ сторонъ рядами деревянныхъ лавокъ; позади нѣкоторыхъ изъ нихъ пристроены жилые дома. Улица начиналась почти отъ самаго моря и упиралась въ лѣсъ, тянувшійся къ Соуксу. Лѣсъ покрывалъ все абхазское побережье, прерываясь только кое-гдѣ небольшими безлѣсными полянками. На самомъ видномъ мѣстѣ, надъ берегомъ, красовалась турецкая кофейня, а напротивъ ея мечеть, съ деревяннымъ минаретомъ. Жители Гудауты, турки и мингрельцы, занимались торговыми оборотами и спекуляціями, эксплуатируя туземцевъ. Торговля велась, конечно, мелочная; англо-турецкіе товары промѣнивались на мѣстные произведенія: воскъ, кожи, сушеные фрукты, пальмовое и орѣховое дерево и особенно кукурузу, вывозившуюся тогда изъ Абхазіи въ значительномъ количествѣ. Кромѣ мелочныхъ бездѣлушекъ и грубыхъ англійскихъ *чмты* (ситца) и бязей, порядочнаго пельзя было ничего найти; хорошіе товары не привозились по неимѣнію потребителей.

Всѣ вообще предметы торговли доставлялись посредствомъ контрабанды, и на деньги все можно было купить недорого; вдвое дороже обходились товары жителямъ при мѣнковой покупкѣ. По словамъ турокъ, изъ Англій товары въ Порту ввозились беспошлинно; точно такъ же и вывозъ оттуда всего, что только имѣло англійское клеймо, къ берегамъ непокорныхъ горцевъ и абхазскаго владѣнія отпускатось безъ таможенныхъ оплатъ. Хотя въ то время въ Гудаутѣ и находился дистанціонный чиновникъ, подѣломственный сухумъ-вальской карантинно-таможенной конторѣ, даже съ двумя нѣшими гвардіонами, или надзирателями, вооруженными тесаками, но это, конечно, ничего не помогало охраненію береговъ, на разстояніи семидесяти верстъ (отъ Сухума до Пицунды), отъ ввоза беспошлинныхъ товаровъ. Надзоръ ограничивался тѣмъ, что, если подходило къ мѣстечку контрабандное судно, то они упрасивали шкипера отойти хотя на полверсты и тамъ разгрузаться, послѣ чего товары ввозились на арбахъ, что не такъ рѣзко бросалось въ глаза. Безъ сомнѣнія, это дѣлалось въ видахъ огражденія служащихъ отъ ответственности по закону. Воспрепятствовать же ввозу контрабанды не могла никакая сила при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ краѣ:

вся Абхазія могла возстать поголовно противъ этой мѣры. Если барказъ и хотѣлъ сдѣлать попытку напасть на контрабандное судно, то жители не могли его преслѣдовать; съ отбитымъ же призомъ, и даже съ кочермой на буксирѣ, онъ имѣлъ возможность свободно отступать въ Сухумъ или въ Гагры.

Несмотря на то, что правительство платило значительную субсидію за недопущеніе въ порты абхазскаго владѣнія беспошлинныхъ товаровъ, они ввозились тогда по всему протяженію его береговъ (кромѣ Сухумъ-Кале) безпрепятственно.

На утро, 4-въ, встрѣтившись съ знакомыми мингрельцами, началъ раскупоривать одну за другой бутылки портеру и эля, которые въ Гудаутѣ продавались не дороже 30 копѣекъ за каждую, въ чемъ, конечно, участвовалъ и я. Казаки тоже подгуляли; день былъ базарный и народъ съ самаго утра толпами входилъ въ мѣстечко. Случилось такъ, что пришелъ туда и плѣнный солдатъ, проживавшій у хозяина въ деревнѣ на рѣкѣ Гумистѣ; встрѣтившись съ казаками, онъ приглашенъ былъ въ кружокъ, гдѣ распивался англійскій ромъ, продававшійся также недорого.

Было уже одиннадцать часовъ дня, когда сотникъ обратился ко мнѣ за совѣтомъ: не взять-ли плѣннаго на барказъ, чтобы увести въ Сухумъ, о чемъ тотъ упрасивалъ его и казаковъ. Это былъ тотъ самый солдатъ, о которомъ намъ рассказывалъ Андрей. Я старался отклонить исполненіе этого намѣренія, представляя всю несообразность подобнаго поступка при такомъ стеченіи абхазцевъ, находя болѣе удобнымъ, условясь съ нимъ назначить пунктъ, гдѣ вечеромъ можно было бы взять его секретнымъ образомъ. Рѣшиться же брать плѣннаго въ виду огромнаго скопища абазинцевъ, было больше чѣмъ рискованно: тутъ можно было навѣрное рассчитывать на неминуемую неприятность. Къ несчастію, когда командиръ барказа ушелъ отъ меня, подкутившая команда настаивала на томъ, что бы сейчасъ увести «хрещенаго челоуѣка,» избавивъ его отъ рабства «у поганой віры,» на что 4-въ и рѣшился. Барказъ уже былъ спущенъ и сходя съ него на берегъ брошена, когда подходили туда азовцы, окружавшіе плѣннаго.

Замѣтивъ намѣреніе казаковъ, нѣсколько челоуѣкъ абазинцевъ заступили имъ дорогу. Мгновенно послышались завыванья, обыкновенные условные сигналы, которыми абазины передаютъ извѣстія на большія разстоянія: всякій слышавшій этотъ шакалоподобный вой, посылалъ его тѣмъ же порядкомъ дальше. Тревога распространилась не только въ мѣстечкѣ, но сейчасъ же

отозвалась и въ сосѣднихъ деревняхъ. Когда казаки хотѣли продолжать путь, десятка два всадниковъ присоединились къ пѣшимъ, стали также поперекъ дороги и настоятельно требовали, чтобы казаки убились на барказъ сами, оставивъ плѣннаго. Стоявшій уже у руля сотникъ, смекнувъ, что дѣло-то выходитъ дрянъ, сошелъ на берегъ, чтобы отдать приказаніе командѣ оставить солдата въ покоѣ; но казаки были отъ него заслонены все больше и больше выростающею толпой, въ которой, кромѣ дѣйствовавшихъ лицъ, много было и любопытныхъ. Къ счастью, урядникъ не терялъ хладнокровія и удерживалъ порывы подивившихъ казаковъ, готовыхъ схватиться за шашки, между тѣмъ какъ абазины повиновались уже изъ за поясовъ пистолеты и ружья изъ чехловъ. Съ каждой минутой скопище росло; сбѣгались пѣшіе и конные; тѣхъ и другихъ набралось до 150 человекъ; плотнѣе окруживъ азовцевъ, они направили на нихъ свое оружіе. Нѣкоторые пустили уже въ ходъ и нагайки; но съ казаковъ, какъ они сами говорили послѣ, «и хмѣль соскочилъ»: они бы рады были выйти изъ блокаднаго состоянія, но и имъ однимъ не давали пропуска къ лодкѣ.

Я стоялъ поодаль и смотрѣлъ на готовившуюся разыгратъ трагикомедію, затѣянную такъ некстати; однако помочь бѣдѣ было трудно. Замѣтивъ между всадниками нѣкоторыхъ изъ своихъ достовъ и знакомыхъ изъ Соуксу и другихъ деревень, я рѣшился на попытку отворотить опасность. Подойдя къ нимъ, я старался знаками и жестами объяснить, что казаки это хотѣли сдѣлать съ-пьяна, а потому упрашивалъ ихъ, уже черезъ переводчика-мингрельца, пустить азовцевъ, отобравъ плѣннаго, если послѣдняго не хотятъ отдать имъ. Посредничество мое приняло благопріятный оборотъ: абхазцы начали между собой вести переговоры и рѣшились выпустить казаковъ; плѣнникъ же, еще ранѣе моего вмѣшательства, былъ захваченъ абхазцами. Команда бросилась къ барказу и отчалила отъ берега.

Когда я взглянулъ на море послѣ того, какъ увезли плѣнника, барказъ, раскинувъ оба паруса, быстро шелъ вдоль береговъ и начиналъ уже огибать мысъ Бомборы. Послѣднее удаленіе лодки было очень кстати: отходя отъ Гудауты, казаки перекинулись нѣсколькими перебранками съ абхазцами, съ приправой угрозъ; обѣ стороны были недалеко отъ того, чтобы схватиться за оружіе и начать между собой перестрѣлку; тѣмъ больше, что азовцы чувствовали себя на своей стихіи. Я боялся, чтобы приготовленная для контрабандистовъ картечь, не была отправлена въ мѣстечко,

а потому, покуда барказъ не отошелъ подалеже, я стоялъ на берегу и дѣлалъ знаки уходить скорѣе.

14-го августа, мы съ С. П. и нѣсколькими казаками отправились въ укрѣпленіе Пицунды, гдѣ имѣлось въ виду купить сѣна и отослать туда на зимовку часть лошадей. Съ Хюпеты мы выѣхали съ начальникомъ Бзыбскаго округа, которымъ въ то время былъ братъ владѣтеля, любимый и уважаемый народомъ за справедливость князь К. Шервашидзе. Онъ около двухъ мѣсяцевъ былъ гдѣ-то въ отсутствіи, и теперь, возвратившись къ своему мѣсту, ѣхалъ по дѣламъ въ одинъ изъ пограничныхъ ауловъ при рѣкѣ Бзыби. Вслѣдствіе этого, насъ сопровождала пестрая, шумная свита, состоявшая изъ цѣлой толпы конныхъ и даже пѣшихъ абазинцевъ. Первые изъ нихъ почти во весь путь джигитовали, причѣмъ одинъ схватывалъ съ себя шапку и подбрасывалъ кверху; другіе въ это время успѣвали вынимать изъ чехловъ ружья или изъ-за поясовъ пистолеты, стрѣляли въ шапку и она падала, пронизанная пулями, что дѣлалось при полномъ карьерѣ. Бросали также шапки и другія вещи на дорогу, а задніе на скаку поднимали ихъ, и затѣмъ, подбрасывая вверхъ, вынимали ружья, дѣлали выстрѣлъ, не допуская вещи до земли. Вообще абазины показывали много ловкости, живости движеній и смѣлости.

По дорогѣ мы останавливались близъ cadaго, находившагося по пути, селенія, усаживаясь подъ какимъ-нибудь развѣсистымъ деревомъ, гдѣ производился начальникомъ округа судъ и расправа по мѣстнымъ обычаямъ. Всякій, имѣвшій просьбу, выходилъ навстрѣчу ему и, преклонивъ колѣно, цѣловалъ полу чохы или рукавъ одежды князя (если проситель былъ дворянинъ), и затѣмъ начиналъ передавать содержаніе своей жалобы. Всѣ разборы дѣлались устно, причѣмъ, опросивши обиженнаго и обидчика, когда онъ былъ тутъ, приступалось къ допросу наличныхъ свидѣтелей. Шумныхъ словопреній не было; всякій изъ допрошенныхъ говорилъ только тогда, когда его спрашивали. Выслушавъ обѣ стороны, князь произносилъ свое рѣшеніе, и наблюденіе его, при важныхъ случаяхъ, поручалъ моураву деревни, или одному изъ почетныхъ дворянъ, близкихъ къ жительству тяжущихся. Такихъ остановокъ мы имѣли двѣ, продолжавшихся болѣе двухъ часовъ каждая. Но за потерю времени насъ вознаграждало зрѣлище судебныхъ процессовъ по адату (по обычаю), творившихся нѣсколько столѣтій царями и владѣтелями Закавказья, чего впоследствии негдѣ уже было увидѣть. Последнее изъ бывшихъ самостоятельныхъ владѣній этого края, абхазское, въ то время доживало свои послѣдніе дни. Тутъ мнѣ еще въ первый разъ бросилась въ глаза одна ха-

рактическая особенность туземцевъ: жалобщикъ, или отвѣтчикъ, послѣ цѣлованія помы, по приглашенію князя садился обыкновенно противъ него на землю, и когда начиналъ говорить, то отыскивалъ руками около себя какую-нибудь тонкую палочку и во все время объясненія обламывалъ ее небольшими частями, бросая ихъ на землю. Если не случалось близко такого прутика, то срывался стебелекъ травы и постепенно ошипывался съ него листья, или раздроблялся поемному стволъ. Почти тѣмъ же были заняты присутствовавшіе слушатели, изъ числа окружающей князя свиты. Замѣчательно, что всѣ народныя сходки бывають на открытомъ воздухѣ, гдѣ абхазцы никогда не говорятъ стоя, а сначала садятся на землю поджавъ ноги, или на приготовленныхъ для того скамейкахъ подъ деревьями, и затѣмъ начинаютъ разсуждать о дѣлѣ. Порядочные люди считаютъ за неприличіе говорить о чемъ-нибудь серьезномъ между собой, не усѣвшись.

На встрѣчу начальнику округа, по дорогѣ изъ деревень, выѣзжали дворяне и присоединялись къ нашему поѣзду. Миновавъ послѣднее селеніе на правой сторонѣ Амчиши, мы вступили въ небольшое ущелье, отдѣляющее пицундскія высоты отъ горъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ углубленіе это имѣло видъ широкихъ ложбинъ и котловинъ, покрытыхъ густымъ, высокимъ папоротникомъ, среди котораго разбросано множество деревъ: орѣха, каштана, черешни, фурмы и другихъ, спутанныхъ вьющимися лозами винограда. Флора Абхазіи, какъ и флора Имеретіи и Мингреліи, изобилуетъ множествомъ фруктовыхъ деревъ, названіе которыхъ перечислять считаю неудобнымъ. По выѣздѣ изъ ущелья, мы отдѣлились изъ свиты князя и направились къ Пицундѣ, куда оставалось около трехъ верстъ, а онъ поѣхалъ къ Бзыби въ одно изъ селеній князей Иналиповыхъ (Иналипа). Это была единственная княжеская фамилія въ Абхазіи, кромѣ владѣтельной; отношенія ея къ послѣдней были на правахъ васаловъ и владѣтели только въ рѣдкихъ случаяхъ вмѣшивались въ дѣла ихъ. Деревни, принадлежавшія Иналиповымъ, отдѣлялись отъ Абхазіи пицундскими высотами, занимая полосу отъ этого пункта до рѣки Бзыби, пограничнаго пункта владѣнія; съ остальныхъ двухъ сторонъ, участки ихъ примыкалъ къ ближайшимъ отрогамъ абхазскихъ горъ и къ морю. Близъ береговъ моря, тамъ же расположено укрѣпленіе Пицунда и деревушка, когда-то принадлежавшая монастырю.

Пицунда окружена ровною, открытою мѣстностью, на которой изрѣдка виднѣются сосны, разбросанныя по всей площади прилегающей къ морю, на разстояніи отъ одной до двухъ верстъ, начи-

ная отъ юго-запада къ юго-востоку, гдѣ выдается небольшой мысъ идущій съ устья Бзыби до лѣсистыхъ высотъ. Стѣны крѣпости сложены изъ сѣраго камня, вышиной до семи аршинъ, и образуютъ четырехугольникъ, съ небольшими неровностями и выдающимися угловатостями на профилахъ, служившія прежде оградой греческому монастырю. Нужно полагать, что постройка этой ограды относится къ періоду времени до употребленія огнестрѣльнаго оружія: для обороны стѣнъ не сдѣлано никакихъ отверстій, и только по занятіи монастыря русскими подняты были на всѣхъ четырехъ углахъ барбеты и пробиты амбразуры для орудій. По всему протяженію стѣнъ устроены, также на столбахъ, банкеты для стрѣлковъ. Саженьхъ въ 150 отъ ограды видны остатки стѣнъ древняго, довольно обширнаго города. На юго-востокъ отъ главныхъ воротъ, къ берегу моря, ведетъ шоссеванная дорога, по сторонамъ которой проложена дорожка для пѣшеходовъ, усыпанная щебнемъ и обсаженная рядами липъ и акаціи. Шоссе оканчивается у небольшой кирпичной башни, занимаемой пикетомъ изъ Пицунды. Тутъ же выстроенъ былъ азовскій казачій постъ, гдѣ находилась постоянная команда при офицерѣ, съ барказомъ. Отъ укрѣпленія, по направленію къ рѣкѣ Бзыби, лежитъ довольно глубокое, изобильное рыбой озеро, что можно считать своего рода рѣдкостью на закавказскомъ берегу Чернаго моря, гдѣ, кромѣ болота Палеостомы (при устьѣ Ріона), отъ Новоросійска до поста Св. Николая (граница съ Турціей) озеръ на всемъ протяженіи почти нѣтъ, исключая незначительныхъ болотистыхъ плесовъ, образовавшихся въ устьяхъ нѣкоторыхъ ручейковъ, фарватеры которыхъ засыпаются щебнемъ во время морскихъ прибоевъ.

Гарнизонъ укрѣпленія состоялъ изъ третьей линейной роты кавказскаго линейнаго № 33 батальона.

О времени начальнаго занятія Пицунды греческими поселенцами не встрѣчается прямыхъ историческихъ свѣдѣній. Можно думать, что пунктъ этотъ, командуемый окружающею населенною равниною, при устьѣ одной изъ значительнѣйшихъ рѣкъ въ краѣ, не могъ оставаться не занятымъ промышленными эллинами еще при первой ихъ колонизаціи въ Закавказьѣ. Не подлежитъ сомнѣнію и то, что греки во время дѣно эксплуатировали туземное населеніе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. По свидѣтельству греческихъ писателей, закавказскія ихъ колоніи процвѣтали богатствомъ и довольствомъ вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ жителями края; но историки не упоминають о томъ, обогащались ли послѣдніе отъ торговли съ культурными народами. Несмотря на короткій срокъ владычества

римлянъ на берегахъ Чернаго моря, остатки каналовъ, дорогъ и развалины другихъ сооружений до сихъ поръ свидѣтельствуютъ, что римляне желали внести начатки цивилизаціи между полудикими обитателями горъ. Эксплоатація турокъ, смѣнившихъ византійцевъ, производилась еще обширнѣе: турки стали наполнять невольничьи рынки въ Константинополь и въ другихъ мѣстахъ живымъ товаромъ, въ особенности женщинами, вывозимыми съ абхазскихъ береговъ. Только въ 1831 году былъ занятъ нашими войсками Пицундскій монастырь. Это укрѣпленіе было оставлено гарнизономъ 21-го апрѣля 1854 года, по случаю войны съ турками, на сторонѣ которыхъ стояло туземное населеніе, подстрекаемое агентами Порты и соседними горцами. Послѣ этого десантный корпусъ Омера-наши занималъ всѣ важнѣйшіе пункты Абхазіи до окончанія войны; онъ удалился 5-го мая 1856 года, а Пицунда снова была занята рускими въ 1857 году.

Слѣдующее утро, 15-го августа, былъ ротный праздникъ гарнизона, почему были отслужены часы въ древнемъ храмѣ.

Церковь эта замѣчательна по своей обширности и прочности; она построена во имя Божьей Матери, въ царствованіе императора Юстиніана (въ VI вѣкѣ). Во время нашего посѣщенія, внутренность этого зданія служила складомъ провіанта; вся нижняя часть его была занята кулами муки и крупы, сложенными по-ярусно между внутренними колонами, поддерживающими широкіе своды. Только въ одномъ юго-восточномъ углу, незанятомъ мѣшками, стояло нѣсколько ротныхъ иконъ съ мѣднымъ ставникомъ и съ привѣшенной лампадой. Алтарь былъ также занятъ складомъ амуниціи вещей; во второмъ этажѣ задней части церкви, гдѣ прежде, вѣроятно, были придѣлы, помѣщалось лазаретное отдѣленіе. Корпусъ храма еще хорошо сохранился, кромѣ самыхъ незначительныхъ поврежденій; даже видѣлись остатки фресковъ византійской живописи на сводахъ главнаго купола и на стѣнахъ его. На правой сторонѣ, къ стѣнѣ, находится гробница Св. Іоанна Златоустаго, гдѣ, по мѣстному преданію, нѣсколько времени покоились его мощи, до перенесенія ихъ въ Константинополь (*).

(*). Св. Іоаннъ Златоустъ, патріархъ константинопольскій, сосланный во вторичное заточеніе въ Малую Азію при императорѣ Аркадіи, по неудовольствію царицы Евдокии, которая, съ помощью арианъ, успѣла обвинить его въ Оригеновой ереси, былъ отправленъ затѣмъ, сначала сухимъ путемъ, а потомъ моремъ, въ Пицунду. О чемъ въ Четьи-Минелхѣ повѣствуется (13-го ноября) такъ: „Да прогнавъ будеть (г. е. Іоаннъ) въ мѣсто пусто, нарицаемое *Илоріунтъ*, лежащее при брезѣ Понтійскаго моря, въ соседствѣ варваровъ бунхъ“ (стр. 379, на оборотѣ). По

О возобновленіи храма существовало предположеніе, которое и утверждено было правительствомъ впоследствии. Мѣра эта должна имѣть важное вліяніе на возстановленіе православія въ ближайшихъ селеніяхъ, гдѣ многіе жители еще не совсѣмъ утратили христіанство, или, по крайней мѣрѣ, не считали себя мусульманами.

Противъ восточной части церкви, впереди алтаря, сохранился колодезь, въ который, по преданію, была проведена вода глиняными трубами, изъ далекой мѣстности. Въ настоящее время проводникъ этотъ засоренъ, почему и неизвѣстно откуда взято начало его: съ рѣки-ли Бзыби по выходѣ ея изъ горъ, или же отъ горныхъ ключей ближайшаго отрога. Кромѣ храма, никакихъ древнихъ зданій внутри стѣнъ укрѣпленія не уцѣлѣло; по всей вѣроятности, при занятіи монастыря, они были въ полуразрушенномъ состояніи и разобраны при постройкахъ ротныхъ бараквъ и другихъ хозяйственныхъ строеній. Близъ южной стѣны ограды монастыря, противъ западнаго входа въ церковь, еще стояли обломки кирпичнаго двухъ-этажнаго дома русской постройки, сожженного абазинами послѣ выхода гарнизона изъ укрѣпленія въ 1854 году.

Намъ, между прочимъ, говорили, что у бывшаго воинскаго начальника Пицунды, капитана В—ва, добраго и гостепріимнаго старика, подражавшаго, въ послѣднемъ отношеніи, мѣстнымъ обычаемъ, имѣлась рукопись собранныхъ имъ народныхъ преданій о монастырѣ, равно и подробное описаніе всѣхъ замѣчательныхъ развалинъ, сохранившихся отъ разрушенія рукой времени и отъ невѣжества населенія. Очень жаль, если этимъ запискамъ не будетъ суждено появиться въ печати; онѣ могли бы быть полезны для археологическихъ изысканій, и, безъ сомнѣнія, заключаютъ въ себѣ хотя и отрывочныя, но важныя свѣдѣнія о существованіи Пицунды до ея упадка.

Съ наступленіемъ осени, начались сырые, пасмурные дни. Дожди въ тѣхъ мѣстахъ почти всегда начинаются легкимъ, прозрачнымъ туманомъ, который сначала, въ видѣ мглы окутывая вершины соседнихъ горъ, спускается къ подножіямъ ихъ, постепенно закрывая ущелья и долины. Туманы продолжаютъ иногда по двое сутокъ и больше, становясь все плотнѣе, такъ, что въ десяти

греческимъ сказаніямъ, онъ умрѣ на морѣ, не дохвативъ до мѣста, близъ приморскаго города *Команъ*, и въ немъ погребенъ въ 407 году по Рождествѣ Христовѣ. Но въ какомъ мѣстѣ существовалъ этотъ городъ, ясныхъ указаній нѣтъ. Закавказскія же преданія мѣстомъ смерти Златоустаго указываютъ Псырту, откуда мощи его доставлены въ Пицунду. Черезъ тридцать лѣтъ, по греческимъ же историкамъ, они были перевезены въ Константинополь.

шагахъ нельзя ничего видѣть. Водянистые пары, медленно соединяясь въ капли, переходятъ сначала въ мелкій, а затѣмъ и въ крупный дождь. Иногда нѣсколькихъ часовъ довольно для того, чтобы туманъ превратился въ самый сильный ливень. Зимой и въ осеннее время, нерѣдко по цѣлымъ мѣсяцамъ, продолжается такая погода. Въ этотъ годъ подобные дожди, начавшись 2-го сентября, кончились только 31-го числа ночью, когда небо совершенно очистилось отъ тучъ. На слѣдующее утро, 1-го октября, какъ только надъ моремъ показался и сталъ величаво выплывать изъ за горизонта блестящій шаръ солнца, вся сотня вышла изъ балагановъ смотрѣть, будто на какое небывалое зрѣлище, потому что цѣлыхъ тридцать дней мы не только не видѣли солнца, но даже лишены были удовольствія глядѣть и на обыкновенное пасмурное небо, покрытое мелкими стаями перистыхъ облаковъ, группами перебѣгавшихъ по свѣтлосинему своду. Во весь этотъ мѣсяцъ надъ нами висѣла густая, непроницаемая пелена тумана, сыпавшаго микроскопически-мелкія водяныя брызги, то переходившія въ дождь, то снова обращавшіяся въ пыль испареній.

Ночи въ такіе періоды бываютъ до того темны, что всякое движеніе безъ фонаря можетъ дѣлаться только ощупью; бываетъ именно такая темь, которая по мѣткому русскому выраженію объясняется словами: «не видно ни зги.»

Рыхлая и отчасти болотистая почва всего восточнаго побережья Чернаго моря при продолжительныхъ ливняхъ до того пропитывается водой, что на каждыхъ десяти шагахъ ровной площади отырываются родники. Идти въ эту пору черезъ наши почти невозможно; если же проходить по мѣсту, гдѣ плугъ давно дотрогивался до земли, или черезъ непаханныя совсѣмъ поля, то подъ тяжестью чело-вѣка почва значительно опускается, образуя углубленія, откуда вода, прорываясь сквозь оболочку, заливаетъ ноги. Даже нѣсколько дней спустя, послѣ подобныхъ дождей, ключи не изсыкаютъ, и при переходѣ по твердому грунту поверхность его осѣдаетъ подъ ногами, а кругомъ съ шипѣніемъ вырываются водянистые пузыри. Если бы на это время снять верхній слой земли, связанный корнями травъ, то подъ нимъ образовалось бы непроходимое болото. Почва и зимой глубоко пропитывается водой не только въ мѣстахъ низменныхъ, но почти тоже самое бываетъ и на скатахъ и возвышенностяхъ, до границъ предѣла лѣсной растительности. Впрочемъ, и выше этой черты земля, столько же рыхла; но тамъ дождей бы-

ваетъ меньше, сравнительно съ мѣстностями мало поднятыми надъ уровнемъ моря.

Во время сильныхъ ливней въ теченіе осени и зимы, два раза появлялись родники въ нашей землянкѣ, которая стояла на возвышенности, имѣвшей покатою на обѣ стороны, сверху была защищена драичной кровлей надъ палаткой, а вокругъ обрыта канавой по доскату навѣса, чтобы подъ него не могла проходить вода. При открытіи этихъ подземныхъ фонтановъ, на разстояніи аршина и даже болѣе отъ поверхности земли, большого труда стоило намъ забить ихъ.

Можно себѣ представить, какъ намъ весело было сидѣть въ балаганахъ, окруженныхъ лѣсами, почвой насызвось пропитавшейся водой и небомъ нѣсколько недѣль сряду покрытымъ плотными, влажными слоями тумановъ, при безостановочномъ дождѣ. Выйдемъ, бывало, изъ землянки, отыремъ раза два взадъ и впередъ площадку, между рядами балагановъ, залитыхъ со всѣхъ сторонъ водой и грязью, въ срединѣ которыхъ помѣщались казаки на высоко вымощенныхъ нарахъ, а затѣмъ отправимся къ рѣчкѣ посмотрѣть, какъ она пѣнится, будто разсердившись на непогоду, реветъ и прыгаетъ по каменистому ложу, разбивая свои грязные каскады о подвонные рифы и камни, возвращаемся въ яму, прикрытую палаткой, слушать нескончаемую музыку глухого рева моря.

Въ одну изъ угрюмыхъ декабрскихъ ночей, С. П. не было въ лагерѣ, откуда онъ сутками раньше отправился въ Пицунду для осмотра лошадей, находившихся тамъ съ командой на зимовкѣ. Я же, натопивши палатку, лежалъ на своей койкѣ и читалъ какой-то занимательный романъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», взятыхъ нами изъ сухумской клубной бібліотеки. Было около часа по полуночи, когда я, кончивши чтеніе, бросилъ книгу на полку и погасилъ свѣчу. Не прошло и десяти минутъ, послѣ того какъ я улегся, противъ дверей землянки раздался окликъ часового: кто идетъ?

Часовой шагаль отъ конюшни, гдѣ помѣщались двѣ лошади, командира сотни и моя, къ цейхаузу, расположенному шагахъ въ десяти отъ навѣса надъ палаткой; такимъ образомъ, оборачиваясь взадъ и впередъ, онъ проходилъ не въ далекомъ разстояніи отъ выхода изъ нашей землянки. Въ случаѣ сильнаго дождя, онъ становился подъ навѣсъ цейхауза, въ такомъ мѣстѣ, откуда бы ему видна была и конюшня. Возвращаясь къ послѣднему зданію, онъ наткнулся на кого-то выѣзжавшаго изъ дверей его на лошади.

Почти въ самый моментъ перваго оклика, послышался быстрый ло-

шадный топотъ, и только черезъ нѣсколько секундъ сдѣланъ былъ выстрѣлъ: запрятанное отъ дождя въ чехолъ ружье не могло быть вовремя употреблено въ дѣло. Покуда встревоженные казаки выбѣжали изъ своихъ конурокъ, воръ, укравшій, какъ оказалось послѣ, двухъ лошадей Апостолова, успѣлъ уже ускакать. Повсему видно было, что воръ былъ знакомъ съ мѣстностью.

Черезъ полгода послѣ этого случая, мы узнали, что злодѣй почти съ вечера терпѣливо сидѣлъ близъ биваку до часа по полуночи, выжидая покуда въ палаткѣ погаснетъ огонь, откуда конюшня находилась не больше какъ въ трехъ саженьяхъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ пробрался къ цейхгаузу и, воспользовавшись временемъ, когда часовой повернулся идти отъ дверей конюшни, проскользнулъ въ нее, отвязалъ лошадей и—поминай какъ звали.

Я съ намѣреніемъ упомянулъ объ этомъ происшествіи, чтобы указать на ловкость и рискованную смѣлость абазиновъ въ конокрадствѣ, которое не считается у нихъ за порокъ или за что-либо предосудительное, а, напротивъ, они имъ гордятся, какъ удалью и молодецествомъ.

На другой день дождь шелъ по обыкновенію и съ своими обычными видоизмѣненіями. Море, всегда неспокойное, въ этотъ день разбушевалось какъ-то особенно. Около полудня среди бурнаго ропота его, послышался съ подвѣтра рѣзкій, но отдаленный пушечный выстрѣлъ, почему нѣсколько человѣкъ, въ числѣ ихъ и я, тотчасъ же отправились къ устью Хюпсты. Не успѣли мы выйти изъ лѣсу, какъ выстрѣлъ повторился уже недалеко: то были сигналы азовскаго барказа, который, извѣщая о своемъ намѣреніи подойти къ пристани, требовалъ отъ насъ помощи. Едва мы добѣжали туда, какъ лодка, несшаяся до тридцати узловъ въ часъ, была уже въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень отъ берега, но не могла пристать; паруса, конечно, уже были спущены. Сѣрые валы грозно и высоко поднимали хребты и, шипя и пѣнясь, ударились о прибрежные камни. Какъ только показались мы изъ лѣсу, былъ сброшенъ причалъ съ барказа; но онъ, увлекаемый отъ берега отходившимъ валомъ, чуть не утащилъ схватившихся за веревку шесть человѣкъ въ клокотавшій бурунь. Нѣсколько разъ азовцы пытались вновь сбросить веревку, однако не могли подойти къ берегу близко, потому что съ каждой минутой вѣтеръ крѣпчалъ и волненіе усиливалось. Мы только тутъ замѣтили, что на лодкѣ былъ С. П., который, по приглашенію начальника команды, отправлявш-

гося въ Сухумъ, съѣлъ на нее съ намѣреніемъ сойти на берегъ при устьѣ Хюпсты. Быстро усиливавшійся штормъ помѣшалъ тому.

Наконецъ, близъ самаго берега держаться было уже невозможно: барказу грозила опасность разбиться о щебенъ дна на мели, или опрокинуться. Онъ отошелъ отъ берега сажень на полтора и хотя оттуда кричали намъ, что мы уже больше ненужны, однако за шумомъ нельзя было ничего слышать: море до того буянило и ревѣло, что даже стоявшему на берегу рядомъ нужно было чуть не кричать подъ ухо. Особенно замѣчательное зрѣлище представлялось на барѣ Хюпсты, гдѣ съ стремительнымъ напоромъ ея водъ встрѣчались широкіе, шумно рокотавшіе шквалы и, борясь между собою, вздымались на изумительную высоту. Казалось, обѣ стороны не хотѣли уступить одна другой; но побѣда оставалась на сторонѣ сильнѣйшаго: слѣдовавшія рядами одна за другой гряды шторма подавляли своею тяжестью бѣшеную быстроту рѣки, и схватившіеся буруны съ оглушительнымъ воемъ обрушивались внизъ. За баромъ, изъ-за грязно-сѣдыхъ гривъ, покрытыхъ клубящейся пѣной, порой выпрыгивалъ барказъ и опять скрывался въ нихъ. Общій видъ бушующей стихіи представлялся намъ въ видѣ кипящаго гигантскаго котла, валуны котораго, клокоча, то опускали лодку внизъ, то подбрасывали ее снова на свои вершины, качая какъ щепку и показывая на поверхности то бортъ, то корму. Порой скрывались за гребнями водъ даже невысокія ея мачты, наклонившіяся чуть не горизонтально на обѣ стороны, дѣлая размахъ почти на третью часть круга. Каждый разъ, какъ лодка опускалась совсѣмъ съ снастями, ниже ближайшихъ къ намъ валовъ, мы невольно вздрагивали. Но гребцы работали съ большою энергіею и отошли почти на полверсты отъ берега, такъ что черезъ нѣсколько минутъ могли совсѣмъ обратиться изъ прибрежныхъ шкваловъ, буянившихъ съ какимъ-то неистовствомъ, и самыхъ опасныхъ даже для такихъ мелкихъ судовъ какъ азовскій барказъ.

Отойдя отъ берега лодка могла считать себя почти внѣ опасности: волненіе было тише и удары гребней его, слѣдовавшихъ въ извѣстномъ порядкѣ, ровнѣе. Какъ только выбрались азовцы на мѣсто, въ которомъ, по выраженію ихъ, «можно было взять вѣтеръ», тотчасъ же подняли четверть паруса на самой нижней части мачты, и направили курсъ къ Бомборскому мысу. Тутъ они стали, хотя и медленно, двигаться впередъ. По мѣрѣ того, какъ судно приближалось къ мысу, мы слѣдовали берегомъ, предполагая, что за угломъ его можно будетъ ему пристать, гдѣ прибой, суда по

направленію вѣтра, долженъ быть значительно слабѣе. Поровнявшись съ этимъ послѣднимъ пунктомъ, судно сдѣлало поворотъ подъ вѣтеръ, который ему тутъ былъ совершенно попутный, т. е. «въ раснашную», и пошло въ ходъ быстрѣе. Намъ оставалось всего сажень сто до оконечности мыса, когда барказъ зашелъ за него. Но, выйдя туда, мы увидѣли, что онъ, поднявши почти весь парусъ, былъ уже отъ насъ верстахъ въ четырехъ и, спустя четверть часа, скрылся совершенно изъ глазъ. Черезъ часъ барказъ входилъ въ сухумскій рейдъ.

III.

Полученіе писемъ изъ дома.—«Засидки».—Пасха въ Соуксу.—Древній храмъ.—Религіозность абазинцовъ.—Засада на устьѣ Хюсты.—Блокада лагеря.—Трагическое окончаніе драмы по воровству лошадей.

Зима медленно тянулась со своими безконечными дождями; день за днемъ слѣдовала сырая, пасмурная погода, которая разнообразилась только тѣмъ, что въ теченіе сутокъ совершалось нѣсколько перемѣнъ: дождь изъ крупнаго дѣлался мелкимъ и на оборотъ, а затѣмъ превращался въ густой туманъ. Казалось, что надъ нами постоянно носилась плотная, сѣрая масса испареній, безпрестанно разряжавшаяся мокротой въ разныхъ видахъ. Скучно и однообразно проходило время; даже мало стало слышно пѣсенъ, шумныхъ и веселыхъ разговоровъ казаковъ; весь лагерь будто гармонировалъ съ окружающею атмосферою и казался словно въ траурѣ. Сидятъ станичники, отъ утра до вечера согнувшись по балаганамъ, занимаясь починкой обуви, платья; наконецъ и то все передѣлано, и они, забывшись гдѣ-нибудь въ уголъ конюшни, по цѣлымъ днямъ рѣжуютъ въ карты: въ «фильму» и въ «свои козыри».

Но вотъ, въ одинъ день, помнится, былъ какой-то праздникъ; воротилась команда, посылавшаяся въ Сухумъ за покупками для артели сала и прочаго; съ нею вмѣстѣ пріѣхалъ на Хюсту и духащикъ-мингрелецъ изъ мѣстечка Гудауты. Замѣтивъ, что послѣдній велъ какіе-то переговоры съ казаками, я спросилъ о причинѣ его появленія; мнѣ сказали, будто и у него тоже куплены продукты, и что онъ прібылъ за полученіемъ денегъ отъ артельщика.

Съ торговцемъ въ мѣстечко отправились два казака, которые къ вечеру привезли въ лагерь цѣлый бурдюкъ фруктовой водки и боченокъ рому, бывшихъ, какъ я узналъ послѣ, настоящею причиною переговоровъ съ мингрельцемъ. Дневальный объяснилъ мнѣ, что многіе изъ нихъ получили письма изъ дома и, въ знакъ такого

событія, вздумали «погулять». Они прислали дневальнаго въ родѣ депутата, съ «покорнѣйшею просьбицей» моего на то, «начальникова разрѣшенія» какъ старшаго въ сотнѣ, за отсутствіемъ командира ея.

Вскорѣ затѣмъ послышались веселыя пѣсни, давно не оглашавшія окрестныхъ лѣсовъ, стоявшихъ вокругъ нашего скучнаго бивуака; это такъ напугало безпокойныхъ сосѣдей лагеря—шакаловъ, собравшихся съ горъ на зиму въ эти мѣста въ большомъ количествѣ, что, даже нѣсколько дней спустя послѣ того, ихъ вой не слышно было близко. Несмотря на дождь, пѣсни становились веселѣй и, наконецъ, дѣло дошло до пляски: отдѣльвался, конечно во всевозможныхъ видахъ, нашъ національный «трепакъ». Замѣтно было общее оживленіе; одни пѣли, плясали, а другіе, не принимавшіе участія въ томъ и другомъ, просто смотрѣли на нихъ; каждый будто сбросилъ съ себя суровую будничную обстановку и веселился по своему. Шумный говоръ, замѣчанія и остроты толпы на пляшущихъ, порой громкій смѣхъ и крики одобренія какому нибудь отчаянно-фокусному «колѣвцу» танцоровъ, доносились до меня, что благодѣтельно подѣйствовало на состояніе моего духа. Я бросилъ книгу, перечитывавшуюся—за неимѣніемъ другихъ—чуть не въ третій разъ, и вышелъ подъ навѣсъ, откуда мнѣ хорошо виднѣнъ былъ собравшійся кружокъ.

Между тѣмъ какъ все веселилось, пѣло, шутило, смѣялось и глазѣло, приказный Караваевъ ходилъ поодаль отъ балагановъ съ небрежно наброшенной на плечи шинелью, съ непокрытой головой и казался угрюмымъ, или озадаченнымъ чѣмъ то. Меня это больше, чѣмъ удивило. Было чему, впрочемъ, и удивляться: онъ у насъ во всей сотнѣ слылъ за перваго весельчака и балагура, а между пѣсенниками считался занѣвадой. Идетъ дневальный мимо, я его останавливаю.

— Скажи, пожалуйста, что сдѣлалось съ Караваевымъ, что онъ такъ сегодня невеселъ?

— Письмо изъ дому получилъ.

— И, вѣроятно, не радостное?

— Такъ точно.

— Отецъ померъ?

— Нѣтъ, хуже.

— Ну, такъ жена?

— Нѣтъ, и не то.

— Такъ случилось дома приращеніе семейства?

— Нѣтъ, ницо похуже таво.

— Да что же такое, наконецъ?

— Вышла замужъ!

— Кто же? его жена?

— Такъ точно.

Дневальный ушелъ, а я воротился въ землянку.

Предъ наступленіемъ сумерекъ, по введенному порядку, смѣнялись всѣ караулы; новымъ дневальнымъ, «за приказаніями», явился Караваевъ. По окончаніи распоряженій о постановкѣ на ночь часовыхъ и секретовъ, я спросилъ у него о письмѣ, полученномъ изъ дома.

— «Чаво, подѣлаешь, сударь», отвѣтилъ онъ со вздохомъ и какъ то уныло: отецъ пишетъ, што баба (жена), «вышла замужъ, въ станицу Терновскую».

Признаться, меня это озадачило; я положительно былъ увѣренъ, что старый дневальный вздумалъ пошутить на его счетъ; между тѣмъ онъ и самъ говорилъ то же самое.

— Ужь не загулялась ли бабенка, а тебѣ можетъ только такъ написали объ этомъ.

— Да это бы шчо собака ее возьми!... Бѣда не такъ велика... Объ томъ я и думать бы позабылъ... не она первая, да не она и послѣдняя... А вотъ што она сдѣлала!... цокору (пороку) будетъ мнѣ на весь вѣкъ.

— Да не ошибка ли это въ письмѣ? Вѣдь этого быть не можетъ...

— Никакъ нѣтъ: письмо перечитывали всѣ; тамъ такъ явственно говорится, даже за кого вышла и гдѣ вѣнчалась.

— Дѣти были у васъ?

— Сынишка одинъ восьми лѣтъ, да его родитель не далъ; онъ съ нимъ остался.

— А матери у тебя развѣ нѣтъ?

— Родительница недавно померла.

— Женушку твою, конечно, суду предадутъ, да и тѣмъ достанется кто вѣнчалъ ее отъ живого мужа — началъ я утѣшать Караваева. Нѣтъ-ли тутъ какого недоразумѣнія? не сообщилъ ли по ошибкѣ полкъ о смерти твоей, вмѣсто кого другого? Въ такомъ случаѣ, если ты только пожелаешь, то второй бракъ можетъ быть расторгнутъ, и ее тебѣ могутъ возвратитъ, ты мож...

— Да она, сударь, вышла за церковнаго; изъ нашихъ-то никто не возьметъ замужнюю жену — перебилъ меня Караваевъ.

Слово «церковный» объяснило мнѣ сразу все: я совершенно не зналъ, что Караваевъ былъ старовѣръ (раскольникъ), а браки ихъ не признаются законными; слѣдовательно, жена его, принявши право-

славіе, имѣла право выйти за кого ей было угодно и перевѣнчаться не въ байракѣ гдѣ-нибудь, импровизированнымъ попомъ-бродягою а въ церкви и по православнымъ обрядамъ.

Зимой, отъ нечего-дѣлать, казаки ходили на «засидки» въ сосѣдніе лѣса, гдѣ почти всегда убивали шакаловъ и барсуковъ. Появлялись иногда и кабаны, будто бы дешево купленные у абазиновъ; только намъ какъ-то не вѣрилось, потому что жители не могли стрѣлять свиней зимой, что позволялось дѣлать только лѣтомъ, на кукурузныхъ поляхъ. Но какъ, впрочемъ, не было особой надобности доискиваться причинъ, откуда кабаны именно взялись, то мы о томъ много и не расширявали. При этомъ я хочу немного воротиться назадъ, чтобы рассказать одну попытку нашу поохотиться въ заповѣдной владѣтельской пушчѣ.

Это было еще въ ту пору лѣта, когда золотистые стволы кукурузы сгибались подъ тяжестью созрѣвшихъ плодовъ, когда на канашахъ, за Хюпстой, каждую ночь переправлялись черезъ рѣку цѣлые табуны свиней полакомиться сочнымъ и вкуснымъ зерномъ. По пробитымъ изъ лѣсу тропамъ было видно, что переправа ихъ находилась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, начиная отъ бивуака до моря. Каменистое ложе Хюпсты, на всемъ этомъ протяженіи, раскинулось довольно широко, и русло постоянно мѣняло направленіе своего теченія, приближаясь то къ одной сторонѣ ложбины, то къ другой, или извиваясь по ней зигзагами. Съ обѣихъ сторонъ рѣки, по камнямъ, росло много вербъ со срубленными вершинами, почему они имѣли видъ пней отъ полуторы до двухъ сажень вышиной, съ множествомъ молодыхъ вѣтокъ и побѣговъ наверху.

Позиція засады была осмотрѣна заранѣе, и хотя отъ сотни держали въ секретѣ предполагаемую охоту, о чемъ знали только человекъ четыре казаковъ, но всѣ догадывались, что сформированная экспедиція предназначалась на кабановъ. С. П., почти противъ моего желанія, уговорилъ меня принять участіе въ засадѣ. Рѣшившись идти, я началъ готовиться; ружье еще днемъ было заряжено новымъ патрономъ, причемъ положена въ него лишняя пуля; обитый вѣременъ замѣненъ свѣжимъ. Какъ только сумерки стали спускаться надъ Хюпстой, мы тихонько пробирались уже по камнямъ ея ложа. Главный охотникъ, казакъ Смирновъ, назначалъ каждому изъ насъ по пути вербы, на которыхъ мы и усаживались изъ предосторожности, чтобы не поранилъ звѣрь, бросившись на выстрѣлъ; кромѣ того, здѣсь было и удобнѣе сидѣть подъ прикрытіемъ вѣтвей. При звѣздномъ

небѣ хорошо видѣлись тропинки, пробитыя по сѣроватому, крупному щебню, смѣшанному съ закругленнымъ рѣчнымъ камнемъ.

Намъ строго-на-строго было приказано табаку не курить, не разговаривать и вообще не производить шума; съ дерева не слѣзать безъ крайней къ тому необходимости, и, сверхъ всего этого, не спать. Сидѣть мнѣ пришлось на молодыхъ прутьяхъ вербы, поверхъ гибкихъ вѣтокъ шия; тамъ можно было расположиться съ нѣкоторымъ комфортомъ и даже, оперевшись спиной на сукъ дерева, спокойно задремать, безъ всякаго опасенія, во время сна, смѣрять разстояніе отъ вершины шия до камней. Но встрѣчалось другое неудобство: не было видно за густой листвою звѣриной тропы при выходѣ ея изъ лѣсу, на которой я могъ осмотрѣть кабановъ только тогда, когда они выйдутъ противъ дерева, а до того лишь по звуку топота можно было слышать о ихъ приближеніи. Но дѣлать было нечего: волей-неволей, а нужно было помириться съ этимъ препятствіемъ. Мнѣ только оставалось направить ружье на сакму (*) и ожидать, что мною и сдѣлано.

Было уже, пожалуй, часовъ больше десяти вечера, когда мы усѣлись по мѣстамъ. Все смолкло. При малѣйшемъ шумѣ вѣтерка по лѣсу, или при перелетѣ птицы съ одного дерева на другое, я наводилъ дуло ружья на тропинку и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда шайка неосторожныхъ звѣрей будетъ проходить мимо вербы, не подзѣвая залога. Я даже мысленно воображалъ ихъ осторожную, уважительную походку, и какъ, выйдя изъ опушки лѣса, вожакъ начнетъ останавливаться и, подымая къверху морду, будетъ втягивать воздухъ широкими ноздрями... Въ этотъ моментъ, пользуясь при-остановкой звѣря, я навожу на него смертоносное дуло и спускаю курокъ; блеснуть выстрѣлъ, потрясая воздухъ и нарушая тишину безмолвной ночи... пуля попадаетъ въ цѣль, т. е. прямо въ голову, и бѣдный кабанъ, съ глухими стовами, валится на окровавленный шебель. Нѣтъ — разсуждалъ я дальше — сначала лучше бить въ задъ, пропустивъ шайку пройти вербу, потому что если убить противъ дерева, то остальные бросятся назадъ и могутъ всполошить другіе табуны, а въ первомъ случаѣ шайка должна убѣжать за Хюнту. Да и на запахъ свѣжей крови не пойдутъ слѣдующіе вожаки, если она будетъ недалеко отъ выхода изъ пуци. Выстрѣловъ, положимъ, венри не боятся; абазины каждую ночь пугаютъ ихъ на канашахъ, чтобы не подходили, но табуны смѣлыхъ звѣрей

(*) „Салма“, слово употребленное казаками, происходитъ отъ татарскаго и означаетъ „слѣдъ“.

все-таки пробираются въ кукурузу. Второго затѣмъ можно бить уже когда выйдетъ противъ мѣста засады; третій поневоля набѣжитъ при возвращеніи стада изъ-за рѣки, гдѣ на день имъ невозможно будетъ оставаться, а другой путь отступленія для нихъ лежалъ черезъ деревню, пройдя которую они могли переправиться выше нашего бивуака. Я, конечно, не очень крѣпко надѣялся, что кабаны будутъ выходить изъ лѣса именно въ такомъ порядкѣ, какъ я предположилъ, но все-таки думалъ: «авось Богъ не безъ милости, а казакъ не безъ счастья» (*): хоть одного спугаю, лишь бы нарѣзался только. Время, между тѣмъ, проходило медленно; по крайней мѣрѣ такъ казалось мнѣ, а звѣря нѣтъ какъ нѣтъ...

Ничего не можетъ быть томительнѣе напрасныхъ ожиданій при такихъ случаяхъ. Только тутъ я понялъ справедливость поговорки: «терпѣніе охотника». Сначала я досадовалъ, затѣмъ послушался и пошелъ на «засидки», и даже погружался въ какое-то забытье: мнѣ снилась палатка съ мягкимъ тюфякомъ на парахъ, набитымъ самымъ лучшимъ степнымъ сѣномъ, и съ сѣдельной подушкой подъ головами, набитой бѣльемъ. Но чуть только что шелохнется въ кустахъ, какъ я возвращался къ прозаической дѣйствительности, и, вздрагивая, сжималъ крѣпче въ рукахъ ружье и всматривался въ дорожку. Я даже досадовалъ на этотъ шумъ, затѣмъ онъ разгонялъ мои приятныя грезы. Не знаю, долго ли я пробылъ въ такомъ состояніи...

Наконецъ чувствую, что кто то меня дергаетъ снизу за полу шинели. Уставивъ, по обыкновенію, дуло ствола на тропу, я открываю глаза и вижу, что уже свѣтаетъ, а подъ вербой стоитъ казакъ и будить меня. Дѣло было такъ: часа въ два ночи всѣ ушли не убивши ничего, и когда, на окликъ возлѣ моей вербы не услышавъ отвѣта, сочли, что я удалился раньше, продолжали путь къ лагерю; но, не найдя меня въ лагерь, послали розыскъ. Это было около трехъ часовъ и уже начинался день.

Неудачу охоты вваливали на вѣтеръ, который дулъ, какъ и всегда здѣсь по ночамъ, съ горъ, слѣдовательно, отъ рѣки къ лѣсу, что и попрепятствовало чуткому звѣрю, почувшему присутствие челоуѣка, пуститься на свои обычные ночныя прогулки. Далѣе часть неудачи С. П. отдѣлялъ на мою долю, будто бы я неспокойно сидѣлъ на вербѣ, въ чемъ, конечно, я не былъ виноватъ, и если могъ производить шумъ, пугавшій кабановъ, то развѣ до тѣхъ поръ, пока не спалъ.

Въ концѣ января и началѣ февраля дожди перестали и недѣль

(*) Казачья народная пословица.

около трехъ продолжались теплые, солнечные дни. За это время, по лужайкамъ и полянамъ, обнаженнымъ отъ лѣсу, показалась яркая зелень; зацвѣли желтые и бѣлые подснежники; даже начали показываться бабочки. Мы сочли это несомнѣннымъ признакомъ весны. Но не тутъ то было: съ половины февраля начались снова непрерывные дожди, выпадавшіе уже иногда въ перемежку съ мокрымъ снѣгомъ, сейчасъ же, конечно, и таявшимъ, что и продолжалось почти до апрѣля. Начало весны, въ этотъ годъ, было холодное и дождливое.

Первый день праздника Пасхи встрѣченъ былъ нами въ церкви деревни Соуску, во дворѣ владѣтеля, замѣчательной по своей древности. Зданіе это построено изъ дикаго сѣраго камня, съ узкими, но высокими окнами, поднятыми отъ земли на значительное разстояніе; такъ, что внутри его, при самомъ свѣтломъ, солнечномъ днѣ, разстилается полумракъ, набрасывающій на украшения храма и живопись угрюмый колоритъ. Внутреннія стѣны испещрены греческою живописью, не отличающеюся, впрочемъ, тщательностію отдѣлки и изяществомъ; во многихъ мѣстахъ она уже полиняла отъ времени, или отлетѣла вмѣстѣ съ штукатуркою. Вообще, обстановка церкви бѣдна, иконостасъ ветхъ, хотя иконы напоминаютъ уже грузинскую живопись. Отъ середины каменнаго помоста къ правымъ дверямъ положены три надгробныя плиты съ греческими надписями: это мѣсто погребенія членовъ прежней владѣтельской фамиліи Абхазіи.

О времени сооружеія храма не сохранилось никакихъ историческихъ указаній или народныхъ преданій, но оно, вѣроятно, относится къ первымъ вѣкамъ послѣ введенія христіанства въ краѣ. На одной изъ стѣнъ начерчено по-гречески подробное описаніе явленія кометы въ апрѣлѣ 1066 года, при Багатѣ IV, царѣ абхазскомъ и карталинскомъ, показавшейся въ великую субботу. Надписи надъ иконами иконостаса сдѣланы по-грузински, а надъ изображеніями по стѣнамъ и въ среднѣмъ куполѣ по-гречески. Служба производилась на старо-грузинскомъ языкѣ, священникомъ отцомъ Иванѣ (Юанномъ) изъ абхазцевъ, окончившимъ курсъ въ тифлисской семинаріи, однако не знающимъ по-русски ни слова.

Утренняя началась, какъ бываетъ и у насъ, часовъ въ двѣнадцать ночи. Церковь на этотъ разъ была наполнена народомъ. Посѣщая храмъ нѣсколько разъ прежде въ праздничные дни, я почти всегда встрѣчалъ тамъ, кромѣ немногихъ мингрельцевъ изъ Гудауты, только одиѣхъ женщинъ. Теперь, за исключеніемъ женскаго пола, было множество мужчинъ, которыхъ едва вмѣщала довольно прос-

торная внутренность храма. Послѣдніе были одѣты въ свое обыкновенное платье и, какъ всегда, съ полнымъ вооруженіемъ. Высокія, опушенные мохнатымъ барашкомъ, шапки, или изъ бурчатаго войлока, съ надѣтыми на нихъ башлыками, не снимались и въ церкви, потому что они, кромѣ какъ у семейнаго очага, никогда не покидаютъ бритыхъ головъ абазинцевъ. Во время утренней службы и литургіи, почти каждый абхазецъ держалъ въ рукахъ горѣвшую свѣчу, отъ двухъ до двухъ съ половиною аршинъ длины. Свѣчи скатаны просто изъ полотна, съ наложеннымъ тонкимъ слоемъ воска, и горятъ наподобіе факеловъ. Какъ только накоплялся на свѣчѣ нагаръ, абхазцы преспокойно опускали горѣвшій край ихъ на каменные плиты пола и оттирали отъ нихъ ногой нагорѣвшее полотно, отчего свѣчи не гасли. На серьезныхъ лицахъ горцевъ, стоявшихъ и смотрѣвшихъ на богослуженіе, можно было замѣтить, что они пришли скорѣе изъ любопытства, или просто по привычкѣ посѣщать храмъ въ этотъ день чѣмъ для молитвы.

Соусинцы всѣ вообще считаютъ себя христіанами, хотя потому только, что придерживаются понемногу всего, т. е. православной вѣры, азычской и мусульманской. О религіи вообще имѣются у нихъ весьма смутныя понятія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ періодъ наплыва турецкихъ мисіонеровъ, распространявшихъ между жителями Кавказа исламизмъ, они не сдѣлались совершенно послѣдователями Магомета потому только, что тамъ имѣла постоянную резиденцію владѣтельная фамилія Шервашидзе, которая исповѣдывала восточное православіе, какъ находившаяся посредствомъ браковъ въ родственныхъ связяхъ съ владѣтелями и царями христіанской Грузіи, не поколебимо отстаивавшей свою народность и вѣру отцевъ противъ фанатизма турокъ. Къ тому же времени нужно отнести и упадокъ христіанства во всемъ краѣ; да и въ Соуску оно сохранилось лишь въ немногихъ наружныхъ обрядахъ. Абхазское простонародье другихъ деревень, придерживающееся магометанской вѣры, отличается отъ христіанъ только названіемъ мусульманъ и тѣмъ, что не кладетъ на себѣ креста, какъ это дѣлаютъ первые; но они почти не имѣютъ никакого понятія объ обрядахъ и постахъ, завѣщанныхъ кораномъ. Даже, въ сущности, тѣ и другіе придерживаются, большею частію, азычества: дѣлаютъ жертвоприношенія птицъ и другихъ домашнихъ животныхъ своимъ богамъ по кузнямъ и священнымъ рошамъ, при выгонѣ на пастбу скота, или при началѣ сѣянія и сбора хлѣба въ полѣ и т. п.

Во время рамазана, совпадавшаго въ то время съ началомъ нашего великаго поста, гудаутскіе турки по цѣлымъ днямъ постились,

или, лучше сказать, спали, потому что днемъ нельзя было ничего ѣсть, и они, проспавши до появленія первой вечерней звѣзды ѣли всю ночь и даже пьянствовали втихомолку, а съ наступленіемъ утра снова принимались спать. Абхазцы въ постѣ не принимали участія только когда раздался фальконетный выстрѣлъ въ Гудаутѣ, которымъ послѣдователи Магомета возвѣщали правобѣрному міру окончаніе поста и начало байрама, при появленіи слѣдующаго за рамазаномъ новолунія, и жителями Абхазіи было сдѣлано нѣсколько сотенъ ружейныхъ выстрѣловъ, о чемъ мы, конечно, были заранѣе предупреждены.

Изъ абазиновъ дѣйствительными послѣдователями исламизма можно было считать только дворянъ; но и они еще не совсѣмъ отстали отъ исполненія нѣкоторыхъ языческихъ и даже христіанскихъ обрядовъ. Такъ, напримѣръ, на другой день пасхи, мальчижи, дѣти помѣщиковъ сосѣднихъ деревень за Хюпстой, приносили къ намъ окрашенные яйца; въ числѣ мальчиковъ былъ сынъ нашего сосѣда Званбая, считавшагося во всемъ Бзыбскомъ округѣ за самаго набожнаго послѣдователя корана. На вопросъ: для чего это? молодые абазины отвѣтили, что у нихъ съ давнихъ поръ существуетъ обычай окрашивать яйца въ этотъ день и дарить знакомымъ. Абхазскіе христіане не ѣдятъ свинины и гнушаются мясомъ этого животнаго такъ же, какъ и магометане.

Нѣкоторые изъ соуксинскихъ крестьянъ говорили мнѣ, что у нихъ есть дѣти крещенныя по-русски, причемъ воспріемниками были изъ Бомборъ фельдфебеля, унтеръ-офицеры и ихъ жены; большею частію, впрочемъ, воспріемную мать замѣняла родная при крещеніи, когда дѣтямъ было уже пять, десять и нерѣдко пятнадцать лѣтъ. На вопросы мои: крестятъ ли они и теперь своихъ новорожденныхъ у священника, почти всегда слышался наивный отвѣтъ, что русскихъ кумовьевъ нѣтъ, а изъ жителей никто не согласится быть воспріемниками, но неизмѣнно на то у нихъ обычай. Абазины считаютъ, конечно, будто бы это все равно: они сами, какъ и дѣды и отцы ихъ, не крестились по уставу церкви, а для того, чтобы быть христіаниномъ достаточно одного названія и умѣнія осѣнить себя крестомъ. Не существуетъ у нихъ также обряда вѣнчанія, не совершаются и другія таинства, установленныя христіанскою церковію. Свалятся они почти такъ же, какъ то дѣлается въ Грузіи. Послѣ пиршества—причемъ совершается, согласно адату, только гражданскій актъ брака—двое помолвленныхъ становятся мужемъ и женой, до тѣхъ поръ, покуда имъ вздумается жить вмѣстѣ. Разводы

бываютъ нерѣдки, хотя всегда почти зависятъ отъ мужей. Бывали случаи, что расходившіеся супруги вступали снова во второй бракъ между собой. Насильственные разводы дворянъ, да же и крестьянъ, женатыхъ на дѣвушкахъ равнаго съ ними званія, безъ предварительнаго въ томъ съ послѣднею соглашенія, и женитьба на другой рѣдки, потому что это неминуемо влечетъ за собой кандалы со стороны родственниковъ обиженной, особенно въ послѣднемъ случаѣ, т. е. если разошедшійся съ женой бралъ себѣ другую супругу.

Жителей въ Соуксу считалось тогда до 2000 ружей (*), которые составляли собственность владѣтеля, за исключеніемъ немногихъ дворянъ. Послѣднее сословіе хотя и платило владѣтельской семьѣ установленные налоги, но не обязано было посылать своихъ крестьянъ на работы въ пользу фамиліи Шервашидзе и доставлять продукты на ея содержаніе.

Древняя столица Абхазіи лежитъ верстахъ въ трехъ отъ моря и почти въ такомъ же разстояніи отъ Бомборъ, на верхней оконечности долины, носящей названіе упрядненнаго укрѣпленія, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ долина эта суживается рѣкой Хюпстой и ручьемъ Гудаута, и постепенно поднимаясь, къ селенію, оканчивается за нимъ, примыкая къ холмистой, водообразной возвышенности. Соуксу было прежде укрѣплено, и хотя въ послѣднее время постоянное мѣстопробываніе старшаго изъ ниязей Шервашидзе находилось въ торговомъ мѣстечкѣ Очемчиры, лежащемъ на берегу моря въ пятидесяти верстахъ за Сухумомъ, т. е. между устьями рѣкъ Ингура и Кодора, населенномъ, какъ и Гудаута, мигрельцами и турками; но и здѣсь былъ его дворъ (усадебка) съ большимъ, полуразрушеннымъ каменнымъ домомъ въ два этажа. Тамъ же, кромѣ небольшого деревяннаго домика и церкви, расположенныхъ съ сѣверной стороны подворья, на срединѣ обширной дворовой площади, разбросано нѣсколько развѣсистыхъ, колоссальныхъ деревъ чинара и орѣха, и стояла конюшня, срубленная изъ толстыхъ каштановыхъ бревенъ, прикрытая драпью (**).

(*) Населеніе своихъ деревень абхазцы считаютъ числомъ ружей, т. е. людей, могущихъ съ ружьемъ въ рукахъ, стать въ случай надобности на защиту селенія; тутъ, конечно, считается весь мужескій полъ, способный носить оружіе отъ 15 до 65 лѣтъ, т. е. и тѣ которые, при переходахъ за черту своего поземельнаго участка, не могли принимать участія въ походѣ.

(**) Стѣнамъ этого послѣдняго зданія и дома пришлось быть свидѣтелями печальнаго происшествія, бывшаго во время безпорядковъ въ краѣ въ 1865 году, послѣ удаленія владѣтеля въ Россію, что происходило такъ: Въ началѣ инсурекціи, командующій войсками въ Абхазіи Коніаръ, прибывши въ Соуксу, собралъ мѣстное дворянство съ цѣлю предупредить начинавшееся возстаніе; но

Населеніе бывшей резиденціи владѣтелей вообще земледѣльческое, но занималось отчасти и садоводствомъ; почему видъ ея издали представляется сплошной массой лѣса, въ которомъ рѣшительно не видно никакихъ построекъ. Тогда только замѣчаешь село, когда въѣдешь въ его улицы. Сады преимущественно виноградныя, но много было въ нихъ и фруктовыхъ деревьевъ; кромѣ того, почти всѣ переулки, улицы и площади его покрыты тѣнью орѣховъ, каштановъ, съ виноградными лозами, вьющимися на нихъ до пятнадцати и двадцати аршинъ вышины и больше. Винодѣліе находившееся въ послѣднее время въ упадкѣ, въ періодъ занятія русскими Бомборъ имѣло значительное развитіе; разные сорта напитковъ приготовлялись усовершенствованнымъ способомъ и далеко превосходили вина, выдѣланныя обыкновеннымъ туземнымъ способомъ. Вино, подъ названіемъ «бомборскаго», славилось не только по всей черноморской береговой линіи, но и въ другихъ мѣстахъ кавказскаго побережья. Жители частію занимались вывозкою самшита (кавказская пальма) изъ горъ и продажей его и орѣховаго дерева, туркамъ.

Мужской костюмъ въ Соуксу, какъ и въ другихъ мѣстахъ Абхазіи, почти ничѣмъ не отличается отъ одежды другихъ горныхъ племенъ; только крестьяне, а частію и небогатые дворяне, носятъ шапки не изъ бараньяго мѣха, съ суконнымъ верхомъ, а войлочные, приготовляемыя такъ же, какъ и бурки; онѣ дѣлаются косматыми, съ острыми, конусообразными верхами. Сверхъ такой шапки, всякій сколько-нибудь считающій себя порядочнымъ человѣкомъ, ни зимой, ни лѣтомъ не снимаетъ башлыка. Узкіе брюки домашняго сукна, приготовляемаго довольно недурно и прочно, и чохы съ газырями для патроновъ, надѣваемая сверхъ бумажнаго, шерстянаго и даже шелковаго на ватѣ бешмета, съ вѣчно-оборванными рукавами черески, составляетъ весь нарядъ абхазца. Съ крѣпкими рукавами, даже и въ новомъ верхнемъ платьѣ, трудно встрѣтить горца; они всегда обрываются изъ подражанія модѣ, въ знакъ того, что хозяинъ ихъ имѣетъ притязаніе на званіе джигита. Только дорогое оружіе, съ богатою насѣчкою, да серебро блестящей отдѣлки на ножнахъ кишжала, шашки

лишь только онъ вышелъ изъ нимъ и началъ увѣщевать ихъ, какъ немедленно былъ убитъ изъ пистолета. Той же участи подверглись бывшіе съ нимъ адъютантъ и свита. Офицеръ съ конвоемъ, находившійся въ это время на дворѣ, отступилъ окруженный толпою въ конюшню, гдѣ, съ голодными, полуизраненными казакми, держался около трехъ сутокъ, пока не прибылъ изъ Сухума пароходъ съ десантомъ и освободилъ ихъ. Убитыю Коніара было сигналомъ общаго возстанія абазинцевъ, напавшихъ на Сухумъ и выжегшихъ большую часть города.

и ремняхъ пояса отличаютъ лихова наѣздника или достаточнаго челоука отъ бѣдняка. За то женскій костюмъ въ Соуксу разнится отъ другихъ деревень: только дворянки и зажиточный классъ вольныхъ людей въ остальныхъ мѣстахъ владѣнія носятъ такія же длинныя, ситцевыя или шерстяныя, платья, изъ-подъ которыхъ не видно шальваръ. Какъ дѣвушки, такъ и замужнія женщины накрываютъ головы небольшими бумажными или шелковыми платками. Онѣ похожи въ этомъ нарядѣ на мѣщанокъ городовъ и мѣстечекъ южной и средней Россіи.

Одежду бѣднѣйшаго сословія женщинъ остальнаго населенія Абхазіи составляетъ, сверхъ базевой короткой сорочки, ситцевый ватный бешметъ съ длинною талією и съ полами, достигающими до коленъ, изъ-подъ которыхъ выходятъ, до безобразія, широкія шальвары, замѣняющія юбки. Нижнія концы ихъ завязываются подъ коленями, почему подвернутые края опускаются до самой земли, такъ что закрываютъ постоянно разутыя ноги хотя и обезображенныхъ костюмомъ, но довольно красивыхъ абазиннокъ.

Вѣроятно, по причинѣ широкихъ шальваръ, между женщинами богатыхъ классовъ Абхазіи вошло въ обыкновеніе носить подножки. Это плоскія колодки во всю длину и ширину подошвы, съ поддѣланными на концахъ ихъ подставками, опирающимися въ землю, также во всю ширину первыхъ и до двухъ верхковъ вышины; сверхъ такой подножки прикрѣпляется широкой ремень, куда и поддѣвается нога. Для женщины привилегированнаго сословія считается высшимъ бонтономъ медленная походка съ переваломъ, т. е. какой ногой ей нужно ступить, то плечо у ней и должно подаваться впередъ. Дѣвушки и женщины дворянскаго и крестьянскаго происхожденія, при встрѣчахъ съ своими мужчинами или русскими, не закрываютъ лица и не отворачиваются, какъ то дѣлаютъ татарки, армянки и даже, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, грузинки.

Съ наступленіемъ весны, послѣ періода дождей, когда горныя рѣки вступили въ берега, возобновились хищническіе наѣзды черкесовъ на абхазскія деревни, поодиночкѣ и шайками.

Въ половинѣ апрѣля, начальникъ округа сообщилъ объ одной партіи джигетовъ, скрывавшейся за Бзыбью, и ожидавшей только удобнаго случая, чтобы переправиться чрезъ рѣку. Вслѣдствіе этого, ночные караулы были увеличены; насъ даже предупредили, что горцы имѣютъ намѣреніе пробраться мимо лагеря къ небольшой деревушкѣ, или просто хуторку, расположенному въ нѣсколько дворовъ

въ лѣсу противъ Бомборъ, между этимъ укрѣпленіемъ и Гудаутой, чтобы захватить тамъ дѣтей обоюга для продажи, и что шайкѣ едва-ли вздумается напасть на сотню; но что, во всякомъ случаѣ, осторожность съ нашей стороны была бы излишнею. Въ вечеръ предполагавшагося набѣга, жители селенія Соуксу, въ числѣ около пятидесяти лучшихъ стрѣлковъ отправились на тропу, гдѣ, по расчету, партія хищниковъ должна была проѣзжать. Переправа пути черезъ Хюпсту лежала надъ самымъ берегомъ моря; въ этомъ пунктѣ и расположилась засада.

Наши пикеты и секреты вокругъ сотни, еще въ началѣ сумерекъ, заняли свои мѣста. Былъ теплый, тихій весенній вечеръ, такъ что, кромѣ однообразнаго шума прибоя, періодически ударявшаго волнами о берега, совершенно ничего не было слышно; только шакалы порой затыгивали, за рѣчкой или возлѣ насъ въ лѣсу, свои обычные вечернія пѣсни. Часовъ около девяти, мы съ С. П. сидѣли въ комнаткѣ, устроенной изъ бывшаго навѣса надъ палаткой, разсуждая о томъ: могутъ ли итѣть горцы напасть на насъ. Между тѣмъ была подана закуска. Вдругъ послышались два, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ, залпа, и вмѣстѣ съ ними крики нѣсколькихъ испуганныхъ голосовъ. Затѣмъ все смолкло. Казаки бросились къ оружію и черезъ полминуты были уже заняты мѣста, назначенныя имъ на случай тревоги. Сколько мы ни прислушивались безмолвіе не нарушалось; волны по-прежнему однообразно хлестали на щебенъ береговъ и чуть доходилъ до слуха отдаленный, будто въ воздухѣ посящійся, глухой шумъ вѣчно-дѣятельной стихіи.

Черезъ полчаса послышались противъ насъ веселые голоса соуксинцевъ, возвращавшихся съ засады въ дома. Они сообщили намъ лишь то, что по тропинкѣ, переправилась было черезъ рѣчку конная партія горцевъ, человекъ въ сорокъ, но что, послѣ сдѣланныхъ ими двухъ залповъ, хищники успѣли только подобрать убитыхъ и раненыхъ и, быстро поворотивъ за Хюпсту, скрылись. Они, какъ пѣшіе, не могли, да и не имѣли надобности преслѣдовать злоумышленниковъ. Кромѣ того, жители Соуксу, вѣроятно, знали, что проводниками горцевъ были абхазцы отъ Бзыби или Амчиши, безъ чего первые не могли бы пробираться во внутреннія селенія округа. Вотъ почему благодаря удачно занятому пункту на переправѣ, соуксинцы, сдѣлавъ свое дѣло, весело возвращались домой.

Ночь прошла спокойно; мы были увѣрены что горцы, неожиданно наткнувшись на засаду, не отважатся на новую попытку

переправиться черезъ Хюпсту въ другомъ мѣстѣ; тѣмъ больше, что о прогулкѣ ихъ по Абхазіи знали и всюду могли ожидать ихъ появленія. Но радость наша, по поводу миновавшей опасности, была не продолжительна.

Едва взошло солнце слѣдующаго дня, какъ пѣшіе и конные абазинны начали переправляться черезъ рѣчку и подходить къ намъ часа черезъ два ихъ набралось человекъ до шестисотъ, положительно окружившихъ лагерь. Сначала мы не понимали въ чемъ дѣло; но предводители движенія, дворяне изъ-за Амчишты и деревень за Хюпстой, въ томъ числѣ нѣсколько нашихъ достовъ, скоро вывели насъ изъ недоумѣнія, хотя начали издалека. Они заговорили съ нами о томъ, что имъ не нравится наша стоянка между ихъ деревнями, такъ какъ мы могли бы стоять въ Сухумѣ или въ Пицундѣ, какъ и прочія войска; дальше они стали дѣлать предположенія, что, вѣроятно, сотня поставлена здѣсь не безъ цѣли, что недаромъ говорятъ, будто ихъ (абазиновъ) хотятъ сдѣлать русскими, брать въ солдаты, принуждать брить бороду, а волосы на головѣ стричь и, наконецъ, заставить ихъ марушекъ ходить безъ шальваръ, что для женщины, конечно, послѣднее дѣло, ибо безъ шальваръ для нея стыдъ и позоръ показаться на мѣрѣ Божій. Разсужденія эти предлагались намъ скорѣе тономъ вопросовъ, и были послѣдствіемъ распространяемыхъ между абазинами нелѣпныхъ толковъ турками, которые постоянно старались поддерживать между ними неприязнь къ русскимъ и усилить расположеніе къ Турціи. Въ этомъ они часто успѣвали, и всякій абхазскій простолюдинъ говорилъ о Турціи, какъ о землѣ обѣтованной, гдѣ побывать горцу считалось однимъ изъ величайшихъ благъ земныхъ, причемъ муллы обѣщали каждому въ загробной жизни, за одинъ такой подвигъ, на половину отверстыми двери магометова рая. О Россіи же они имѣли понятіе, какъ о краѣ бѣдномъ, неудобномъ и даже не вознаграждающемъ труда земледѣльцевъ. Иначе они и не объясняли занятія края, какъ желаніемъ русскаго правительства утвердить свою власть въ землѣ ихъ, въ виду крайней бѣдности нашего отечества, или тѣснотой населенія.

На предлагаемые намъ вопросы мы отвѣчали, что это вздоръ и нелѣпность, о которой даже не стоитъ труда и разсуждать, что русскимъ все равно, будутъ ли ихъ марушки шеголять въ шальварахъ или безъ оныхъ. При этомъ мы объявили, что въ солдаты абазинны рѣшительно не годятся, потому что не могутъ ѣсть свиного сала, безъ чего въ походахъ арміи нельзя обойтись.

На подобный вздоръ, конечно, намъ приходилось и отвѣчать почти такимъ же вздоромъ, хотя и большого труда стоило разубѣдить нашихъ гостей въ нелѣпости слуховъ. Словомъ, мы старались успокоить ихъ чѣмъ могли. Наконецъ они объявили и самую главную цѣль своего прибытія, потребовавъ уже прямо отъ насъ объясненія: по какому случаю казаки вздумали дѣлать засаду и стрѣлять по горцамъ, потому что они ѣхали не мимо нашего бивуака и, слѣдовательно, не наше дѣло было выходить къ морю и сторожить дороги. Абазины прибавили, что послѣ этого и имъ самимъ нельзя нигдѣ будетъ проѣхать по своей землѣ. Дальше они сказали, что за горцевъ имъ еще нѣтъ большого дѣла вступаться; но вчерашними выстрѣлами, сдѣланными по шайкѣ, будто бы казаками, раненъ одинъ изъ вліятельныхъ дворянъ за рѣкой Амчишей изъ фамиліи Чебулархау, бывший коноводомъ хищниковъ, и потому, по мѣстному обычаю кровомщенія, мы должны имъ выдать людей, выпалившихъ въ засадѣ по партіи. Все наши увѣренія, что залпы сдѣланы не нами, были напрасны.

Причиной недоразумѣнія были соуксинцы, которые, узнавъ, что въ числѣ раненыхъ находится абхазскій дворянинъ, распустили слухи, будто бы выстрѣлы по хищникамъ сдѣланы казаками, устроившими заваль на устьѣ Хюпеты. Имъ, конечно, хотѣлось свалить бѣду на насъ, для избѣжанія, въ случаѣ смерти раненаго, казны со стороны его родственниковъ, которой, въ такомъ случаѣ, подвергались все участвовавшіе въ засадѣ. Сваливая свою вину на казаковъ, они, однако, не предполагали, чтобы это могло кончиться такой выходкой. Положеніе наше было не совсѣмъ безопасно: при малѣйшей рѣзкости нашихъ отвѣтовъ, толпа, окружившая лагерь, могла употребить противъ сотни оружіе. . . Поэтому мы старались убѣдить абазиновъ, что казакамъ нѣтъ надобности охранять ихъ деревни, на что намъ и отъ начальства не дано никакого права, да и кромѣ того, по своей малочисленности, мы едва-ли были бы въ состояніи себя защищать.

Покуда мы толковали съ абазинами, толпа все прибывала, становилась шумнѣе и требовала выдачи виновныхъ головой. Подобный случай, пожалуй, могъ бы кончиться для насъ и дурно, если бы не узнали о томъ въ Соуксу, откуда сейчасъ же явилось человекъ триста хорошо вооруженныхъ пѣхотинцевъ, которые и объявили осаждавшимъ, что не казаки, а они сдѣлали залпъ по горцамъ, и потому требовали удаленія собранія за рѣчку, пригрозивъ, что, въ противномъ случаѣ, они, какъ христіане, обязаны защищать сотню,

тѣмъ больше, что сотня и расположена на ихъ землѣ. Убѣжденные абазины начали расходиться.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1860 года я уѣхалъ изъ лагеря на Хюпстѣ въ Сухумъ. Вскорѣ послѣ моего отъѣзда, тамъ разыгралось печальное окончаніе дѣла по воровству лошадей.

Еще въ мартѣ С. П. заплатилъ лазутчику 60 рублей серебромъ, чтобы тотъ указалъ воровъ. Оказалось, что лошади выведены изъ конюшни тринадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, сыномъ нашего сосѣда, жившаго не больше, какъ въ полуверстѣ отъ бивуака за Хюпстой, и переданы горцамъ изъ племени джигетовъ. Воръ, между прочимъ, считается въ числѣ моихъ достовѣрцевъ, что и было причиной, почему не захвачена въ числѣ украденныхъ и моя лошадь. Тогда же было сообщено гагринскому воинскому начальнику о задержаніи горцевъ, которымъ переданы кони, въ случаѣ проѣзда ихъ черезъ укрѣпленіе, ибо другого пути для нихъ въ Абхазію, кромѣ этого пункта, не было. Виновные, дѣйствительно, скоро послѣ того проѣзжая Гагры, были задержаны; но, просидѣвши недѣли двѣ подъ арестомъ, какъ не сознавшіеся въ преступленіи и по недостатку уликъ, были освобождены. И вотъ, въ одно прекрасное утро, выждавши когда почти вся сотня уѣхала въ Соуксу за сѣномъ, а въ лагерь оставалось лишь нѣсколько человекъ слабыхъ, горцы являлись туда съ десяткомъ вооруженныхъ всадниковъ. Сначала они подѣхали къ ходившимъ по площадкѣ впереди домика С. П. и войсковому старшинѣ Николаю Ивановичу М—ну, принявшему мѣсяцъ назадъ отъ перваго сотню, и, остановившись, начали съ ними разговоръ — спросили, не нужно ли купить сѣна, показывая видъ, будто принадлежатъ къ числу жителей Абхазіи. Затѣмъ, разомъ вынувши ружья и даже пистолеты, горцы начали стрѣлять. Первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ по Апостолу, почти въ упоръ, но, по счастливой случайности, оказался промахъ; вѣроятно, изъ пистолета выкатилась пуля, потому что отъ ныжа загорѣлся китель на его груди. Когда офицеры бросились уходить, Апостоловъ побѣжалъ не въ домикъ, гдѣ для защиты было готовое оружіе и стѣны, а мимо, въ ряды балагановъ, чтобы встревожить оставшихся казаковъ, почему слѣдующими выстрѣлами ему перебили ногу, обѣ кости пониже колѣна у бедра. Джигеты быстро удалились; нѣсколько пуль, посланныхъ казаками вслѣдъ злодѣямъ, не причинили имъ никакого вреда. Раненый пролежалъ многіе мѣсяцы въ гагринскомъ лазаретѣ, и только года черезъ два могъ ходить безъ помощи костыля. По увѣренію опытнаго медика, лечившаго его въ укрѣпленіи, онъ остался живъ, бла-

годаря лишь тому, что ему сдѣлана была первая перевязка лекаремъ-горцемъ. А злодѣй, по недостатку уликъ, и послѣ того свободно проѣзжалъ черезъ Гагры въ Абхазію, на воровство и грабежъ.

Нѣсколько разъ, форменно и частно, просили новаго начальника Бзыбскаго округа, поступившаго зимой вмѣсто князя К. Шервашидзе, о взысканіи денегъ съ отца вора, на удовлетвореніе за украденныхъ лошадей; но всѣ общанія по этому предмету остались неисполненными. Вора наказало само Провидѣніе: года черезъ два послѣ этого случая, онъ былъ убитъ въ одной изъ сосѣднихъ абхазскихъ деревень, на какомъ-то новомъ воровствѣ.

С. Смоленскій.

20-го октября 1871 г.

Хуторъ Нижне-Герасимовъ.

(Продолженіе будетъ).